

ДАНИИЛ ХАРМС

Из дома
вышел
человек

Собрание
сочинений
в трех
томах

Том 3

Собрание сочинений в трех томах

Даниил Хармс

**Собрание сочинений. Том
3. Из дома вышел человек**

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-5+44+6

Хармс Д. И.

Собрание сочинений. Том 3. Из дома вышел человек /
Д. И. Хармс — «Азбука-Аттикус», 2020 — (Собрание сочинений
в трех томах)

ISBN 978-5-389-19333-8

Кто он, загадочный Даниил Хармс, – наивный гений, мастер эпатажа или лукавый мистификатор, тщательно скрывавший свою, как писан Маршак, «классическую основу»? Хармса, как одного из самых неординарных и парадоксальных писателей XX столетия, читают и изучают в России и за рубежом, однако и по сей день его работы остаются в числе самых удивительных загадок русской литературы. Бесспорным остается необыкновенный талант автора, а также его удивительная непохожесть – ничего подобного ни в России, ни за рубежом не было, нет и вряд ли когда-нибудь будет... В третий том Собрания сочинений включены детские стихи, проза и драматические произведения Даниила Хармса. Составление, вступительная статья и примечания Валерия Сажина. Ранее настоящий том выходил под названием «Тигр на улице».

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-5+44+6

ISBN 978-5-389-19333-8

© Хармс Д. И., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Даниил Хармс – авангардный детский писатель[1]	7
Стихотворения	11
1927	11
1.Иван Иваныч Самовар	11
1928	14
2. Иван Тапорыжкин	14
3. Приключения ежа	14
4. «– Отчего ты весел, Ваня?..»	15
5. Почему	16
6.Театр	16
1929	18
7. «Уж я бегал бегал бегал...»	18
8.О том, как папа застрелил мне хорька	20
9. «Кто из вас прочитал...»	21
10. Га-ра-рар!	22
1930	25
11. Миллион	25
12. Врун	26
13. «Видишь, под елочкой маленький дом...»	28
1931	30
14. Миша Гришу вызывает	30
15. Влас и Мишка	30
16. Сдай в срок	30
17. Что мы заготавливаем на зиму	31
18. Лыжная прогулка в лес	33
19. Ночь	34
20. «Буря мчится. Снег летит...»	34
21. «На Фонтанке 28...»	35
1933	36
22. «Профессор Трубочкин, входя...»	36
1935	38
23. Крысаков и две собачки	38
24. Новый город	39
25. «Жил-был музыкант Амадей Фарадон...»	41
26. Что это значит?	42
1936	44
27. «Мы забрались в траву и оттуда кричим...»	44
28. Тигр на улице	44
29. Мы спешим сегодня в школу	44
1937	46
30. Из дома вышел человек	46
31. Кошки	46
1938	48
32. «Это резвый конь ребенок...»	48
33. «Очень страшная история»	48
34. Игра	48

35. Считалка	49
36. Я самый храбрый	49
37. Удивительная кошка	50
38. В гостях	50
39. Песенка про пограничника	50
1939	53
40. Первомайская песня	53
41. Бульдог и таксик	54
42. Журавли и корабли	54
43. Веселый скрипач	55
1930-е	57
44. «На этой странице...»	57
45. «Жил на свете...»	57
45. «Жил на свете...»	57
47. «Как-то жил один столяр...»	58
48. «Ну ка Петя, ну ка Петя...»	58
1940	60
49. Дворник – дед Мороз	60
50. Что это было?	60
51. «Искала старушка букашек в цветах...»	61
52. Кораблик	61
53. Веселый старичок	62
54. Станный бородач	63
1941	65
55. Цирк Принтинпрам	65
56. Кто кого перехитрил?	66
57. «Еду-еду на коне...»	66
58. Неожиданный улов	67
59. «Девять...»	67
60. Лиса и петух	68
Переводы	69
61. В. Буш	69
62. В. Буш	78
Проза	79
1928	79
63. Озорная пробка	79
64. Перо Золотого Орла	82
65. О том, как Колька Панкин летал в Бразилию, а Петька Ершов ничему не верил	86
66. 17 лошадей	93
67. Во-первых и во-вторых	94
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Даниил Хармс

Собрание сочинений. Том 3

Из дома вышел человек

«Хармс не только писатель, но и определенный способ поведения, определенный способ шутить, реагировать на окружающий мир – это вошло в современную культуру очень прочно... Мы даже про какие-то ситуации жизненные говорим: это просто Хармс, считываем их как хармсовские. Это то же самое, что с любимым значительным писателем».

Валерий Шубинский

«Мир Хармса – это еще и мир чуда, мир в каком-то смысле сказочный; у Шварца это осовремененная и довольно страшная волшебная сказка, а у Хармса сказка небывалого типа, в которой действуют небывалые существа и разворачиваются новые фабулы...»

Дмитрий Быков

«Меня интересует только „чушь“; только то, что не имеет никакого практического смысла. Меня интересует жизнь только в своем нелепом проявлении. Геройство, пафос, удадь, мораль, гигиеничность, нравственность, умиление и азарт – ненавистные для меня слова и чувства. Но я вполне понимаю и уважаю: восторг и восхищение, вдохновение и отчаяние, страсть и сдержанность, распутство и целомудрие, печаль и горе, радость и смех».

Даниил Хармс

Даниил Хармс – авангардный детский писатель¹

Как правило, если писатель сочиняет для взрослых и одновременно для детей, эти ипостаси его творчества редко пересекаются. Тем более, когда речь идет о Хармсе, кажется маловероятным, чтобы его стихотворное или прозаическое творчество для детских журналов «Ёж» или «Чиж» сопрягалось с тем, что систематически писалось им (а при жизни никогда не печаталось), так сказать, для взрослых.

Между тем, например, нередко выступая перед публикой, возрастного состава аудитории он совершенно не различал. Как перед взрослыми, так и перед детьми, Хармс являлся в своей традиционной экстравагантной одежде и с трубкой: «Вот он медленно поднимается на сцену среди страшного гомона – длинноногий, чопорный, торжественно спокойный. <...> молча выходит на середину сцены, поправляет манжеты и как-то становится еще выше ростом. Как у него это получается, – непонятно. Загадочный его вид, необычный костюм и трубка в зубах (хотя она сейчас и не дымит) сами по себе действуют волшебным-успокоительно. Шум затихает, все в зале повернулось к сцене и уставилось на странно молчащего человека»². Конечно, Хармс никогда не читал детям своих «взрослых» произведений, но, например, в общежитии студентов Университета на Мытнинской набережной в конце 1929 года с удовольствием читал только что написанное им для детей стихотворение «Га-ра-ра!»³, а по воспоминаниям В. Каверина, «Такие стихи (Хармса. – В. С.), как „Иван Иванович Самовар“, читали и взрослые и дети»⁴.

Точно так же и в повседневном поведении Хармс не дифференцировал окружавшую его среду и вел себя среди взрослых и детей совершенно идентично. Примеров тому множество. Современники вспоминают о разнообразных чудачествах Хармса. Например, его манеру, когда в гостях Хармсу подавали чай, вынимать термометр и замерять температуру напитка. О том же вспоминает Лев Друскин, которому в юном возрасте в группе воспитанников ленинградского Дома детской книги довелось под руководством Хармса совершить путешествие на Украину: «Он коротко кивал нам, сажился, наливал стакан и опускал в чай градусник. Он внимательно следил за темным столбиком и, когда температура удовлетворяла его, вытаскивал градусник и завтракал. Если было свежо, он просил закрыть ближайшее окно, чтобы масло от сквозняка не прокисло»⁵.

Полагаю, что эти и множество подобных примеров позволяют уверенно констатировать единство поведения Хармса во взрослой и детской среде, как в быту, так и на сцене.

Что же происходило в литературном творчестве?

25 ноября 1927 года Житков сообщал своей приятельнице Е. П. Бахаревой: «Мы тут учредили Ассоциацию детских писателей при Доме печати. Начали дело с Колькой Олейниковым. Хотим выработать новую детскую. Мне вся детская литература недетской кажется. Не по тем путям ассоциаций идет книжная мысль, что у детей <...>. Приглашаем молодого поэта Хармса, Женьку Шварца и художников Пахомова и Соколова.

Поглядим, что из этого выйдет: выработаем хоть одну действительно детскую книгу.

Мы откидываем всякую мораль, всякую педагогическую задачу. <...> Мы не собираемся развращать детей, но толочь им в нос и в затылок, что надо умыться и нехорошо рвать книг

¹ С классической основой! – См. вступительную статью к тому 1 наст. изд.

² Семенов Б. Чудак истинный и радостный // Аврора. 1977. № 4. С. 72.

³ Написано 7–16 октября 1929 г.; опубл.: Ёж. 1929. № 12. С. 5–7. Воспоминания об этом см.: Рахманов И. Из прошлого детской литературы // Детская литература. Вып. 2. М.: Детская литература, 1962. С. 129; Гор Г. С. Замедление времени // Звезда. 1968. № 4. С. 183.

⁴ Каверин В. Он любил удивлять // Каверин В. Собрание сочинений: В 8 т. М: Художественная литература, 1982. Т. 6. С. 472.

⁵ Друскин Л. Спасенная книга: Воспоминания ленинградского поэта. Overseas Publications Interchange Ltd., 1984. С. 54.

– как бы это ни было восхитительно написано – давно пора бросить <...>⁶. Буквально в это же время, судя по записным книжкам Хармса, началось интенсивное (чуть ли не ежедневное) его общение с Маршаком⁷, который заведовал детским отделом ОГИЗа и организовывал издание детского журнала «Ёж», выпуск которого был намечен на январь 1928 года: Хармсу, не написавшему до тех пор ни одного произведения для детей, было предложено сотрудничество. Насколько ему пришлось по душе это неожиданное предложение, можно судить по энергичному творческому отклику молодого писателя.

Тотчас же, в ноябре 1927 года, Хармс написал стихотворение «Иван Иванович Самовар». Оно далось ему, вероятно, тем более легко, что стало парафразом написанного ровно за два года до того, в ноябре 1925 года, стихотворения «О том как иван иванович попросил и что из этого вышло». Что сделал Хармс? Он взял свое самое раннее – эротическое – стихотворение, в котором Иван Иванович просит у жены нечто неназываемое («неприличное» – по авторскому примечанию), а она ему «не дает»; и произвел в новом – детском – стихотворении инверсию: здесь уже у Ивана Ивановича «просят», а он, по своему усмотрению, иным «дает», а Сереже «не дает» (Хармс при этом оставляет, разумеется имплицитно, эротическую символику: самовар с краником, именуемый Иваном Ивановичем). В этом первом хармсовском детском стихотворении еще был намек на нравоучение (Иван Иванович «кипяточку не дает» опоздавшим и лежебокам), но этот резонирующий финал практически поглощался описанием бесконечной череды все идущих и идущих к самовару персонажей, будто стихотворение было написано не ради этого финала, а для демонстрации самого по себе кумулятивного эффекта.

Следующие детские сочинения Хармса будут уже совершенно в духе провозглашенного Житковым отказа от какой бы то ни было дидактики и вне предвзятых педагогических задач. «Иван Топорыжкин», «Почему?», «Уж я бегал бегал бегал», «О том, как папа застрелил мне хорька», «Га-ра-рар!» – все эти произведения, написанные Хармсом в 1928–1929 годах, и ряд последовавших за ними будут демонстрировать, насколько органичной для писателя оказалась предложенная ему творческая задача.

В каких же чертах она была схожа с уже сложившимися у Хармса к 1927 году творческими принципами, особенно ярко проявившимися в тогда же поставленной на сцене «Елизавете Бам»?

Пойдем от обратного (Хармс любил инверсию) и скажем, чего не было от традиционной литературы в тех произведениях, которые Хармс стал писать для детей, следуя сложившимся у него к тому времени авангардным творческим установкам.

В некоторых из них отсутствует классическое разворачивание сюжета от завязки к кульминации и развязке – напротив: Иван Топорыжкин трижды пошел на охоту в одном стихотворении и с точки зрения начала действия первая строфа ничем не отличается от любой другой, а завершающие стихи каждой из трех строф отнюдь не свидетельствуют о завершении текста. То же самое происходит в стихотворении «Уж я бегал бегал бегал», где действие стремится к бесконечности, и Хармс специально акцентирует это свойство текста, вводя заключительную, небывалую в литературном тексте (я бы сказал – антилитературную) ремарку «и т. д.», а подобное по конструкции стихотворение «Га-ра-рар» обрывает тоже нестандартной ремаркой «Всё».

Далее. У описываемых событий или действий персонажей нет не только психологической, но вообще какой-либо осмысленной мотивировки, поэтому лучшим способом их связи в единый текст оказывается безличностная арифметика: отсюда возникают такие тексты, как «Миллион», «Во-первых и во-вторых», «17 лошадей» и т. п.

⁶ Черненко Г. «Я ему был рад так же, как и он мне»: (Даниил Хармс в письмах Бориса Житкова) // Хармсиздат представляет: Советский эрос 20–30-х годов. Сборник материалов. СПб.: М. К. & Хармсиздат, 1997. С. 15.

⁷ Хармс Д. Полн. собр. соч.: <В 5 т. 6 кн.>. СПб., 1997–2002. Кн. 1. С. 184, 186–189.

Все это была та самая «бессмыслица» (по выражению хармсовского друга и единомышленника А. Введенского), которую оба они со второй половины 1920-х годов сделали, каждый по-своему, творческим кредо.

До сих пор речь была о том, какие черты своего «взрослого» творчества Хармс в трансформированном виде реализовывал в создании произведений для детей.

Но было и противоположное движение: в работе для детей Хармс сформировал такие свойства поэтики, которые отмечаются как авангардные во взрослом его творчестве.

Остановлюсь лишь на одном из таких свойств.

Вот «История дерущихся» Хармса: «Алексей Алексеевич подмял под себя Андрея Карловича и, набив ему морду, отпустил его.

Андрей Карлович, бледный от бешенства, кинулся на Алексея Алексеевича и ударил его по зубам.

Алексей Алексеевич, не ожидая такого быстрого нападения, повалился на пол, а Андрей Карлович сел на него верхом, вынул у себя изо рта вставную челюсть и так обработал ею Алексея Алексеевича, что Алексей Алексеевич поднялся с полу с совершенно искалеченным лицом и рваной ноздрей. Держась руками за лицо, Алексей Алексеевич убежал.

А Андрей Карлович протер свою вставную челюсть, вставил ее себе в рот, пощелкал зубами и, убедившись, что челюсть пришлась на место, осмотрелся вокруг и, не видя Алексея Алексеевича, пошел его разыскивать»⁸.

Полагаю, те, кто знаком с творчеством Хармса, припомнят череду подобных его произведений, где спонтанно происходят подобные немотивированные жестокие «истории»: «Случай», «Некий Пантелей ударил пяткой Ивана...» и др., написанные в 1937–1939 годах. «История дерущихся» – первый такой рассказ во «взрослом» творчестве Хармса: он написан 15 марта 1936 года. Но впервые подобный каскад несчастных происшествий явился в детской «Сказке» Хармса, напечатанной в 1935 году в № 7 журнала «Чиж». Напомню. Здесь Ваня садится писать сказку, но только стоит ему ее начать, например: «Жил-был король...», – как Леночка объявляет, что такая сказка уже есть, и оказывается, что ее содержанием является драка короля с королевой. «Тут королева рассердилась и ударила короля тарелкой. А король ударил королеву миской. А королева ударила короля стулом. А король вскочил и ударил королеву столом» – и т. д. Здесь, в детской прозе, Хармс впервые опробовал сюжет с перманентной и необъяснимой жестокостью. Причем сюжетом-то его как раз можно назвать лишь условно: Хармс именно разрушал классический литературный сюжет, и последующие взрослые вещи в этом роде – короткие сцены без начала и конца. Но намек на эту последующую деструкцию содержится уже в детской «Сказке»: как только Ваня начинает писать очередную сказку, Леночка обрывает его рассказом о том, что такая, и иная, и еще другая сказки уже есть. Таким образом, парадоксальность сюжета «Сказки» состоит в невозможности сложить сюжет. И это как раз еще одно из тех свойств поэтики Хармса, за которые она именуется авангардной.

Современная Хармсу критика, писавшая о его творчестве для детей, все это прекрасно видела и именно так и характеризовала – только оценивала по-разному.

«Действительно, не стихотворение, а просто ерунда» (по поводу стихотворения «Врун»)»; «Величину повторяющейся части стихотворения Хармс довел до предела. Он словно задал себе и решает сложные математические задачи»¹⁰; «...основное в Хармсе и Введенском – это доведенная до абсурда, оторванная от всякой жизненной практики тематика, уводящая ребенка от

⁸ Хармс Д. Полн. собр. соч. Кн. 2. С. 337.

⁹ Патреев-Мещеряк А. «Ёж» залез в джунгли // Нижегородский просвещенец. 1931. № 10. С. 57.

¹⁰ Бухштаб Б. Стихи для детей // Детская литература: Критический сборник. М.; Л., 1931. С. 119.

действительности <...>¹¹. Далее Берггольц в своей разносной статье о «контрреволюционном» творчестве Хармса называет (и совершенно справедливо!) его метод «иррациональным»¹².

Но самые точные слова о существе творчества Хармса для детей сказал он сам: «В область детской литературы наша группа принесла элементы своего творчества для взрослых, т. е. заумь <...>»¹³; «К наиболее бессмысленным своим стихам, как, напр., стихотворение „о Топорыжке“, <...> отношусь весьма хорошо, расценивая их как произведения качественно превосходные. И сознание, что они неразрывно связаны с моими непечатающимися заумными произведениями, приносило мне большое внутреннее удовлетворение»¹⁴. Вот такое откровенное и терминологически точное авторское интервью. Беда только, что оно давалось под протокол следователю, ведущему дело Хармса и его друзей, обвинявшихся в декабре 1931-го – январе 1932 года в антисоветской деятельности. Если бы не полицейский характер источника, к которому традиционно принято относиться с недоверием, можно было бы сказать, что Хармс здесь выступил идеальным интерпретатором собственного творчества. Как видим, Хармс не только был последователен и органичен в творчестве для детей, но и выработывал в этой области те свойства поэтики, которые столь же органично из детского творчества перетекали в его взрослые вещи.

Валерий Сажин

¹¹ Берггольц О. Книга, которую не разоблачили // Наступление. 1932. № 2. 16 марта.

¹² Указ. соч. // Наступление. 1932. № 3. 22 марта.

¹³ См. Приложение I (Протокол допроса Хармса 23 декабря 1931 года).

¹⁴ Там же.

Стихотворения

1927

1.Иван Иванович Самовар

Иван Иванович Самовар
Был пузатый самовар,
Трехведерный самовар.

В нем качался кипяток,
Пыхал паром кипяток,
Разъяренный кипяток;

Лился в чашку через кран,
Через дырку прямо в кран,
Прямо в чашку через кран.

Утром рано подошел,
К самовару подошел,
Дядя Петя подошел.

Дядя Петя говорит:
«Дай-ка выпью, говорит,
Выпью чаю», говорит.

К самовару подошла,
Тетя Катя подошла,
Со стаканом подошла.

Тетя Катя говорит:
«Я конечно, говорит,
Выпью тоже», говорит.

Вот и дедушка пришел,
Очень старенький пришел,
В туфлях дедушка пришел.

Он зевнул и говорит:
«Выпить разве, говорит,
Чаю разве», говорит.

Вот и бабушка пришла,
Очень старая пришла,
Даже с палочкой пришла.

И подумав говорит:
«Что-ли выпить, говорит,
Что-ли чаю», говорит.

Вдруг девченка прибежала,
К самовару прибежала —
Это внучка прибежала.

«Наливайте! – говорит,
Чашку чаю, говорит,
Мне послаще», говорит.

Тут и Жучка прибежала,
С кошкой Муркой прибежала,
К самовару прибежала,

Чтоб им дали с молоком,
Кипяточку с молоком,
С кипяченым молоком.

Вдруг Сережа приходил,
Всех он позже приходил.
Неумытый приходил.

«Подавайте! – говорит,
Чашку чая, говорит,
Мне побольше», говорит.

Наклоняли, наклоняли,
Наклоняли самовар,
Но оттуда выбивался
Только пар, пар, пар.

Наклоняли самовар
Будто шкап, шкап, шкап,
Но оттуда выходило
Только кап, кап, кап.

Самовар Иван Иваныч!
На столе Иван Иваныч!
Золотой Иван Иваныч!

Кипяточку не дает,
Опоздавшим не дает,
Лежебокам не дает.
ВСЁ

Д. Хармс
1927

1928

2. Иван Тапорыжкин

Иван Тапорыжкин пошел на охоту,
с ним пудель пошел, перепрыгнув забор,
Иван, как бревно провалился в болото,
а пудель в реке утонул, как топор.

Иван Тапорыжкин пошел на охоту,
с ним пудель вприпрыжку пошел, как топор.
Иван повалился бревном на болото,
а пудель в реке перепрыгнул забор.

Иван Тапорыжкин пошел на охоту,
с ним пудель в реке провалился в забор.
Иван как бревно перепрыгнул болото,
а пудель вприпрыжку попал на топор.

Даниил Хармс
1928

3. Приключения ежа

<1>

Пришел к парикмахеру Колька Карась.
– Садитесь, – сказал парикмахер, смеясь.

Но вместо волос он увидел ежа
И кинулся к двери, крича и визжа.

Но Колька проказник не долго тужил
И тете Наташе ежа подложил.

А тетя Наташа, увидев ежа,
Вскочила, как мячик, от страха визжа.
Об этих проказах услышал отец:
– Подать мне ежа! – он вскричал наконец.

А Колька, от смеха трясась и визжа,
Принёс напечатанный номер «Ежа».

<2>

– Помогите! Караул!
Мальчик яблоки стянул!

– Я прошу без разговора
Отыскать немедля вора!

Ванька с Васькой караулят,
А старушка спит на стуле.

– Что же это? Это что ж?
Вор не вор, а просто еж!

– До чего дошли ежи!
Стой! Хватай! Лови! Держи!

...Еж решился на грабеж,
Чтоб купить последний «Еж»!

1928

4. «– Отчего ты весел, Ваня?..»

– Отчего ты весел, Ваня?
– У меня Ежи в кармане.

За ежом пошел я в лес,
только еж в карман не влез.

– Что ты, Ваня, все поешь?
– У меня в кармане «Еж».

Вот и мне попался еж!
От такого запоешь!

– Ты соврал, курносый Ванька!
Где твой еж? А ну, достань-ка.

– Это правда, а не ложь,
посмотрите, вот он – «Еж»!

1928

5. Почему

ПОЧЕМУ:

Повар и три поварёнка,
повар и три поварёнка,
повар и три поварёнка
выскочили во двор?

ПОЧЕМУ:

Свинья и три поросёнка,
свинья и три поросёнка,
свинья и три поросёнка
спрятались под забор?

ПОЧЕМУ:

Режет повар свинью,
поварёнок – поросёнка,
поварёнок – поросёнка,
поварёнок – поросёнка?

Почему, да почему?
– Чтобы сделать ветчину.

Д. Хармс
1928

6. Театр

Музыканты забренчали,
Люди в зале замолчали.

Посмотри на Арлекина-Кольку!

Вот он с Ниной-Коломбиной
Пляшет польку.

«Динь-динь-дили-дон»,
Вот кот Спиридон.

Что за шум вдалеке?
Глянь-ка:

На Коньке Горбунке
Едет Ванька!

Распроклятого буржуя

В три минуты уложу я.

Девчонка комсомолка
Не боится волка.

Из ковра и двух зонтов
Для спектакля змей готов.

У Петрушки
Палка,
Мне Марфушку
Жалко.

Спящая красавица
Спит не просыпается.

Вот пред вами вся орава.
Браво! браво! браво! браво!

1928

1929

7. «Уж я бегал бегал бегал...»

Уж я бегал бегал бегал
и устал
Сел на тумбочку, а бегать
перестал

вижу по небу летит
галка,
а потом ещё летит
галка,
а потом ещё летит
галка,
а потом ещё летит
галка

Почему я не летаю?
Ах как жалко!

Надоело мне сидеть
Захотелось полететь

Разбежался я подпрыгнул
Крикнул Эй!
Ногами дрыгнул.

Давай ручками махать
Давай прыгать и скакать.

меня сокол охраняет
сзади ветер подгоняет
снизу реки и леса
сверху тучи-небеса.

Надоело мне летать
Захотелось погулять
топ
топ
топ
топ
Захотелось погулять.

Я по садику гуляю
я цветочки собираю
я на яблыню влезаю

в небо яблоки бросаю
в небо яблоки бросаю
на удачу на авось
прямо в небо попадаю
прямо в облако насквозь.

Надоело мне бросаться
Захотелось покупаться
буль
буль
буль
буль
Захотелось покупаться.

Посмотрите
Посмотрите
как плыву я под водой
как я дрыгаю ногами,
помогаю головой.

Народ кричит с берега:

Рыбы рыбы рыбы рыбы
рыбы жители воды
эти рыбы
даже рыбы
хуже плавают чем ты!

Я говорю:

Надоело мне купаться
плавать в маленькой реке
лучше прыгать, кувыраться
и валяться на песке.

мне купаться надоело
я на берег и бегом
и направо и налево
бегал прямо и кругом
Уж я бегал бегал бегал
и устал
сел на тумбочку, а бегать
перестал

и т. д.

Даниил Хармс
1929 май 17

8.О том, как папа застрелил мне хорька

Как-то вечером домой
Возвращался папа мой.
Возвращался папа мой
Поздно по полю домой.
Папа смотрит и глядит —
На земле хорёк сидит.
На земле хорёк сидит
И на папу не глядит.

Папа думает: «Хорёк —
Замечательный зверёк.
Замечательный зверёк,
Если только он хорёк».

А хорёк сидел, сидел
И на папу поглядел.
И на папу поглядел
И уж больше не сидел.

Папа сразу побежал,
Он винтовку заряжал,
Очень быстро заряжал,
Чтоб хорёк не убежал.

А хорёк бежит к реке,
От кустов невядалеке,
А за ним невядалеке
Мчится папа к той реке.

Папа сердится, кричит
И патронами бренчит,
И винтовочкой бренчит,
– Подожди меня! – кричит,

А хорёк, поднявши хвост,
Удирает через мост.
Мчится с визгом через мост,
К небесам поднявши хвост.

Папа щелкает курком,
Да с пригорка кувырком
Полетел он кувырком
И – в погоню за хорьком.

А ружьё в его руках

Загремело – тарарах!
Как ударит – тарарах!
Так и прыгнуло в руках.

Папа в сторону бежит,
А хорёк уже лежит.
На земле хорёк лежит
И от папы не бежит.

Тут скорее папа мой
Потащил хорька домой.
И принес его домой,
Взяв за лапку, папа мой.

Я был рад, в ладоши бил,
Из хорька себе набил
Стружкой чучело набил,
И опять в ладоши бил.

Вот перед вами мой хорёк
На странице поперёк.
Нарисован поперёк
Перед вами мой хорёк.

Даниил Хармс
1929

9. «Кто из вас прочитал...»

Кто из вас прочитал,
Кто из вас не читал
Приключенья в последнем «Еже»?
Ты еще не читал,
Он еще не читал, —
Ну а мы прочитали уже,

Интересный рассказ
Специально про вас
Напечатан в последнем «Еже»,
Пионерский приказ
Специально для вас
Напечатан в последнем «Еже».

Мы считаем, что «Еж»
Потому и хорош,
Что его интересно читать.
Все рассказы прочтешь,
И еще раз прочтешь,

А потом перечтешь их опять.

Как портной без иглы,
Как столяр без пилы,
Как румяный мясник без ножа,
Как трубач без трубы,
Как избач без избы —
Вот таков пионер без «Ежа».

1929

10. Га-ра-рап!

Бегал Петька по дороге,
по дороге,
по панели,
бегал Петька
по панели
и кричал он:
– Га-ра-рап!
Я теперь уже не Петька,
разойдитесь,
разойдитесь!
Я теперь уже не Петька,
я теперь автомобиль.

А за Петькой бегал Васька
по дороге,
по панели,
бегал Васька
по панели
и кричал он:
– Ду-ду-ду!
Я теперь уже не Васька,
сторонитесь!
сторонитесь!
Я теперь уже не Васька,
я почтовый пароход.

А за Васькой бегал Мишка
по дороге,
по панели,
бегал Мишка
по панели
и кричал он:
– Жу-жу-жу!
Я теперь уже не Мишка,
берегитесь!

берегитесь!
Я теперь уже не Мишка,
Я советский самолёт.

Шла корова по дороге,
по дороге,
по панели,
шла корова
по панели
и мычала:
– Му-му-му!
Настоящая корова,
с настоящими
рогами,
шла навстречу по дороге,
всю дорогу заняла.

– Эй, корова,
ты, корова,
не ходи сюда, корова,
не ходи ты по дороге,
не ходи ты по пути.
– Берегитесь! – крикнул Мишка,
– Сторонитесь! – крикнул Васька,
– Разойдитесь! – крикнул Петька
и корова отошла.

Добежали,
добежали
до скамейки
у ворот
пароход
с автомобилем
и советский
самолёт,
самолёт
с автомобилем
и почтовый
пароход.

Петька прыгнул на скамейку,
Васька прыгнул на скамейку,
Мишка прыгнул на скамейку,
на скамейку у ворот.
– Я приехал! – крикнул Петька.
– Стал на якорь! – крикнул Васька.
– Сел на землю! – крякнул Мишка,
и уселись отдохнуть.

Посидели,
посидели
на скамейке
у ворот
самолёт
с автомобилем
и почтовый
пароход,
пароход
с автомобилем
и советский
самолёт.

– Кроем дальше! – крикнул Петька.
– Поплывем! – ответил Васька,
– Полетим! – воскликнул Мишка,
и поехали опять.
И поехали, помчались
по дороге,
по панели,
только прыгали, скакали
и кричали:
– Жу-жу-жу!

Только прыгали, скакали
по дороге,
по панели,
только пятками сверкали
и кричали:
– Ду-ду-ду!
Только пятками сверкали
по дороге,
по панели,
только шапками кидали
и кричали:
– Га-ра-ра!

ВСЁ

Даниил Хармс
7–16 октября 1929

1930

11. Миллион

Шёл по улице отряд,
Сорок мальчиков подряд:
раз, два,
три, четыре,
и четырежды четыре,
и четыре на четыре,
и еще потом четыре.

В переулке шёл отряд:
Сорок девочек подряд.
Раз, два,
три, четыре,
и четырежды четыре,
и четыре на четыре,
и еще потом четыре.

Да как встретились вдруг
стало восемьдесят вдруг!
Раз, два,
три, четыре,
и четыре
на четыре,
на четырнадцать
четыре,
и потом еще четыре.
А на площадь повернули,
а на площади стоит
не компания,
не рота,
не толпа,
не батальон,
и не сорок,
и не сотня,
а почти что миллион!

Раз, два, три, четыре,
и четырежды
четыре,
сто четыре
на четыре,
полтора
на четыре,

двести тысяч
на четыре
и потом еще четыре!

ВСЁ.

Даниил Хармс
29 июня 1930 года

12. Врун

Вы знаете?
Вы знаете?
Вы знаете?
Вы знаете?

Ну конечно, знаете!
Ясно, что вы знаете!

Несомненно,
Несомненно,
Несомненно знаете!

Нет! нет! нет! нет!
Мы не знаем ничего,
Не слышали ничего,
Не слышали, не видали
И не знаем
Ничего!

А вы знаете, что у?
А вы знаете, что па?
А вы знаете, что пы?
Что у папы моего
Было сорок сыновей.
Было сорок здоровенных
И не двадцать
И не тридцать,
Ровно сорок сыновей!
Ну! ну! ну! ну!
Врешь! врешь! врешь! врешь!
Еще двадцать,
Еще тридцать,
Ну еще туда-сюда,
А уж сорок,
Ровно сорок —
Это просто ерунда!
А вы знаете, что со?

А вы знаете, что ба?
А вы знаете, что ки?
Что собаки-пустолайки
Научились летать?
Научились, точно птицы,
(Не как звери,
Не как рыбы)
Точно ястребы летать!
Ну! Ну! Ну! Ну!
Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!
Ну, как звери,
Ну, как рыбы,
Ну еще туда-сюда,
А как ястребы,
Как птицы,
Это просто ерунда!

А вы знаете, что на?
А вы знаете, что не?
А вы знаете, что бе?
Что на небе
Вместо солнца
Скоро будет колесо?
Скоро будет золотое,
(Не тарелка,
Не лепешка),
А большое колесо!
Ну! Ну! Ну! Ну!
Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!
Ну, тарелка,
Ну, лепешка,
Ну, еще туда-сюда,
А уж если колесо —
Это просто ерунда!

А вы знаете, что под?
А вы знаете, что мо?
А вы знаете, что рем?
Что под морем-океаном
Часовой стоит с ружьем?
Часовой стоит под морем
(Не с дубиной,
Не с метелкой),
А с заряженным ружьем!
Ну! Ну! Ну! Ну!
Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!

Ну, с дубиной,
Ну, с метелкой,

Ну, еще туда-сюда,
А с заряженным ружьем —
Это просто ерунда!

А вы знаете, что до?
А вы знаете, что но?
А вы знаете, что са?
Что до носа
Ни руками,
Ни ногами
Не достать,
Что до носа
Ни руками,
Ни ногами
Не доехать,
Не допрыгать,
Что до носа
Не достать!
Ну! Ну! Ну! Ну!
Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!
Ну, доехать,
Ну, допрыгать,
Ну, еще туда-сюда,
А достать его руками —
Это —
Просто
Ерунда!

Даниил Хармс
1930

13. «Видишь, под елочкой маленький дом...»

Видишь, под елочкой маленький дом.
В домике зайчик сидит за столом,
Книжку читает, напялив очки,
Ест кочерыжку, морковь и стручки.

В лампе горит золотой огонёк,
Топится печка, трещит уголёк,
Рвётся на волю из чайника пар,
Муха жужжит и летает комар.

Вдруг что-то громко ударило в дом.
Что-то мелькнуло за чёрным окном.
Где-то раздался пронзительный свист.
Зайчик вскочил и затрясся как лист.

Вдруг на крылечке раздались шаги.
Топнули чьи-то четыре ноги.
Кто-то покашлял и в дверь постучал,
«Эй, отворите мне!» – кто-то сказал.

В дверь постучали опять и опять,
Зайчик со страха залез под кровать.

К домику под ёлочкой
путник идёт.
Хвостиком-метёлочкой
следы свои метёт.
Рыжая лисичка,
беленький платок,
Чёрные чулочки,
острый коготок.
К домику подходит
На цыпочки встаёт
Глазками поводит
Зайчика зовёт:
«Зайка зайка душенька,
Зайка мой дружок,
Ты меня послушай-ка
Выйди на лужок.
Мы с тобой побегаем
Зайчик дорогой
После пообедаем
Сидя над рекой.
Мы кочны капустные
на лугу найдём.
Кочерыжки вкусные
вместе погрызём.
Отопри же дверцу мне
Зайка, мой дружок,
Успокой же сердце мне,
выйди на лужок».

<1930>

1931

14. Миша Гришу вызывает

На соревнование
Миша Гришу
вызывает.
Вот тебе задание:
кто скорей узнает,
как бить
молотком,
как рубанком
стругать,
научиться без запинки
книги разные читать.
И тебя я вызываю,
вызываю, мой отец,
будь ударником в колхозе
в самом деле, наконец.

Д. Х.
1931

15. Влас и Мишка

В колхозе у нас
Есть колхозник Влас
И лодырь Мишка —
У каждого трудкнижка.
А посмотрим их трудкнижки
А посмотрим их делишки:
Влас и сеял и пахал,
Мишка только отдыхал.
Власу осенью награда,
Мишке – кукиш.
Так и надо!
Как колхозники будут делить
урожай?

Д. Хармс
1931

16. Сдай в срок

Хлеб сдай,
лён сдай,
хлопок сдай
в срок!
Знай, знай, знай, —
это будет впрок.
Нам заводы помогают,
нам заводы высылают
ситец, косы и косилки,
трактора и молотилки,
обувь крепкую из кожи.
Ты заводу вышли тоже,
только быстро,
только дружно,
ровно к сроку
все, что нужно.

Д. Х.
1931

17. Что мы заготавливаем на зиму

Мы работаем летом в колхозах,
Разделившись на бригады.
В поле, в лесу, в огороде
и в саду между яблонь
и кустов смородины
мы бегаем
с лопатами, граблями, лейками
в одних только синих трусиках.
И солнце печет наши спины,
руки и шеи.

Теперь мы будем к зиме
делать запасы
и сдавать
в Плодовощсоюз.
Пусть оттуда
запасы пойдут
по рабочим
и детским
столовым.

Из малины и клубники
мы сварили варенье.
Чернику засушим
и будем зимой
черничные есть кисели.

Крыжовник и вишни
мы в банку положим,
пробку зальем сургучом,
чтоб туда не попали микробы
и плесень.

Ягоды свежие будут лежать.
Мы банку откупорим в марте.
Теперь давайте сушить грибы,
нанизывать на нитку
их шапочки.
То-то будет зимой
грибная похлебка.
В этом боченке у нас
будут соленые грузди.
А в этом – соленые рыжики.
Эх, не забудьте, ребята,
к зиме насолить огурцов.

Вот перед вами боченок
светлозеленых огурчиков.
Залейте их крепким рассолом
и листик дубовый
киньте туда.
К зиме огурцы потемнеют,
важными станут и толстыми.
Смотри,
когда будешь их кушать,
держи огурец над тарелкой,
чтоб не закапать штаны
огуречным рассолом.
А курам —
суши тараканов;
лови их летом
на печке.
Зимой будут куры клевать
их с большим
аппетитом.

А если,
купаясь летом в реке,
ты найдешь на берегу
простую зеленую глину,
то запаси этой глины
побольше.
Будешь зимой
лепить из нее человечков.
И, может быть,
вылепишь ты

себя самого,
пионера на летней работе.
Да так хорошо
и так умело,
что тебя отольют из чугуна
или из бронзы
и поставят в музее
на первое место.

А люди скажут:
«Смотрите —
Это новый, советский художник».

Даниил Хармс
1931

18. Лыжная прогулка в лес

Когда на улице мороз,
а в комнате пылает печь,
Когда на улице так больно щиплет нос
и снег спешит на шапку лечь.
И под ногами снег хрустит
и падает за воротник
и белый снег в лицо летит
и человек весь белый в миг.
Тогда мы все бежим бегом
на зимнюю площадку, —
Кто свитр подпоясывает кушаком,
кто второпях натягивает тёплую перчатку.
Вожатый дышет на морозе паром
и раздаёт нам лыжи.
Мы надеваем лыжи и становимся по парам.
Вперёд становится кто ростом ниже,
а сзади тот, кто ростом выше. И вот:
Вожатый сам на лыжи влез,
он поднял руку, крикнул: «в ход!»
и мы бежим на лыжах в лес.
Бежим на лыжах с снежных гор.
мы по полю бежим
с холмов бежим во весь опор
хохочем и визжим.
И снег летит нам прямо в рот
И Петька, самый младший пионер, кидается снежком.
Кричит вожатый: «Поворот!»
Но круто поворачиваться мы на лыжах не умеем
и поворачиваемся пешком.
Вот мы в лесу, в лесу сосновом

Бежим на лыжах мы гуськом. И снег визжит,
Вот пень с дуплом – уютное жилище совам,
Вот дерево поваленное ветром поперёк пути лежит
Вот белка пролетела в воздухе над нами
Вот галка села на сосну и с ветки снег упал,
«Глядите заяц!» крикнул Петька замахав руками
И верно заяц проскакал.

Мы бегаем в лесу, кричим ау, хватаем снег в охапку,
Мы бегаем в лесу поодиночке и гуськом и в ряд.
Мелькают между сосен наши шапки
И щёки наши разгорелись и горят.
И мы несёмся там и тут
И силы наши всё растут.
Мы сквозь кусты и чащи лупим.
Мы комсомольцам не уступим!

*Даниил Хармс
4 декабря 1931 года*

19. Ночь

Дремлет сокол. Дремлют пташки.
Дремлют козы и барашки,
А в траве в различных позах
Спят различные букашки.

Дремлет мостик над водой,
Дремлет кустик молодой.
Пятаков Борис Петрович
Дремлет кверху бородой.

<1931>

20. «Буря мчится. Снег летит...»

Буря мчится. Снег летит.
Ветер воет и свистит.
Буря страшная ревет,
Буря крышу с дома рвет.

Крыша гнется и грохочет.
Буря плачет и хохочет.
Злится буря, точно зверь,
Лезет в окна, лезет в дверь.

<1931>

21. «На Фонтанке 28...»

На Фонтанке 28
Жил Володя Каблуков
Если мы Володю спросим:
– Эй, Володя Каблуков!
Кто на свете всех сильнее?
Он ответит: Это я!
Кто на свете всех умнее?
Он ответит: Это я!
Если ты умнее всех
Если ты сильнее всех

<1931>

1933

22. «Профессор Трубочкин, входя...»

Профессор Трубочкин,

входя:

Здравствуйтесь ребята!

Здравствуйтесь ребята!

Здравствуйтесь ребята!

Ребята:

Здрасте профессор!

Здрасте профессор!

Здрасте профессор!

Профессор Трубочкин:

Давно мы не видались!

Давно мы не видались!

Давно мы не видались.

Ребята:

А где ж вы это были?

А где ж вы пропадали?

Откуда вы пришли?

Профессор Трубочкин:

Был я в Америке

был я в Австралии

плавал я по морю

лазал я на горы.

Был я в Америке

был и в Австралии

был и на Северном полюсе

На дно морское опускался

с фонариком в руках

на дирижабле поднимался

и был на облаках

я видел птичьи гнёзда,

что в пору и слону

Смотрел в трубу на звёзды

на звёзды и луну.

Я слышал пенье пташек

Смотрел как дышет клоп

рассматривал букашек

в огромный микроскоп

20 сентября 1933 года

1935

23. Крысаков и две собачки

<1>

Любитель маленьких щенков
Иван Иваныч Крысаков.

Он каждый вечер ровно в пять
Идет на улицу гулять.

– Погасла трубка. Не беда.
Ее зажжем мы без труда.

В кармане книжка и пакет,
И только спичек нет как нет.

– Иван Иваныч, погляди —
Табак и спички позади.

– Друзья мои, я очень рад,
Вот вам в награду мармелад.

Иван Иваныч Крысаков
Берет за пазуху щенков,

Приносит их к себе домой
И ставит на пол пред собой.

– Отныне, милые друзья,
Вы заживете у меня.

– Но, чур, не прыгать, не скакать,
Когда я буду рисовать.

Иван Иваныч вдруг зевнул,
В кровать зарылся и заснул,

И двое маленьких щенят
В ногах хозяина храпят.

<2>

Иван Иваныч Крысаков
Проснулся весел и здоров.

Мольберт подвинул, и чуть свет
Рисует тетушкин портрет,

А два приятеля в углу
Кончают завтрак на полу.

Но из-за кости мозговой
Вдруг начинают страшный бой.

Уже вцепился в Бома Бим,
Как вихрь он бросился за ним.

И от него несчастный Бом
Визжа спасается бегом.

– Держи его!
Прыжок, другой...
– Иван Иваныч, что с тобой?

– Куда девался твой портрет?
Увы, на шею он надет.

И горько плачут две собаки:
Вот до чего доводят драки.

1935

24. Новый город

Скажи, товарищ,
Неужели
Четыре года не пройдут,
Как этот лес
И холм зеленый,
И это поле —
Вдруг исчезнут?
Скажи, товарищ,
Неужели
Когда-нибудь
На холм зелёный
Взойдёт разведчик молодой

С мохнатой сумрачной собакой,
И люди шумною толпой
Зелёный холм
Возьмут атакой?
Раскинут лагерь.
Смех и говор.
Горит костер.
И ловкий повар
Уже в котле мешает ложкой,
Уже протоптанной дорожкой
Бежит с ведром к реке посланец,
Уже раскрыт походный ранец,
И вынут плед оттуда прочь, —
Должно быть, скоро будет ночь...

Смотри! Прошло четыре года,
Зажётся новый день, и вот:
Преображенная природа
Над миром заново встаёт.
Бежит с холма трамвай шумливый,
Сады раскинуты кругом,
И над толпою торопливой
Советский флаг шумит крылом.

Машины пилят, рубят, роют,
Одни поют, другие воют,
Тромбуют, режут, пашут, сеют,
Стоят, ползут, летают, реют.
И там, где раньше в лес дремучий
Вела звериная тропа,
Бросая в небо дыма тучи,
Стоит высокая труба.
А рядом дом,
За ним другой.
Железный мост,
Вися дугой
Через овраг, —
Огнями блещет.
А там,
В овраге,
Бурно плещет
И зло бурлит
Поток подземный,
Ревёт
И пеной воду мутит,
И точно вихрь
Турбину крутит!

Скажи, товарищ,

Неужели
Здесь был когда-то лес дремучий,
И поле, с ветрами играя,
Травой некошеной шуршало;
И среди поля холм зеленый
Стоял, как поля страж зеленый,
Скучал, томился и не ведал
Великой участи своей?

Даниил Хармс
1935

25. «Жил-был музыкант Амадей Фарадон...»

Жил-был музыкант Амадей Фарадон,
Амадей Николай Фарадон.
Когда он на флейте играл
 тю-лю-лю,
лягушки плясали
 Турлим
 тю-лю-лю,
 Турлим
 тю-лю-лю,
 Турлим!

Когда он играл на трубе
 Ту-ру-ру,
собаки плясали
 Фарлай
 ту-ру-ру,
 Фарлай
 ту-ру-ру,
 Фарлай!

Когда он на цитре играл
 динь ди ринь,
циплята плясали
 Тундрун
 динь ди ринь,
 Тундрун
 динь ди ринь,
 Тундрун!

Когда Николай Амадей Фарадон
Играл на литаврах
 дун дун
 дири дон,
Коровы плясали

Дун дун
Дири дон,
Дун дун
Дири дон,
Дун дун.

<Ноябрь 1935>

26. Что это значит?

У трамвайной остановки
Я задумчиво стоял.
У трамвайной остановки
Я трамвая поджидал.

Вдруг смотрю,
Смотрю – и вижу:
Храбрый Шульц бежит рыча,
А за ним
Все ближе, ближе
Мчится Якли хохоча.

Скачет Марли,
Скачет Ергли
В полосатом колпаке,
Скачет Михель,
Ганс
И Вейтли
С толстой палкою в руке.
Боб, соломинка и уголь
Мчатся быстро впопыхах.
Серый волк бежит угрюмо
С Красной Шапочкой в зубах.

А за ним
Быстрее лани
В шляпе с лентой и пером,
В темно-бархатном кафтане
Гулливвер бежит бегом.

А за ним
Руками машут
И бегут,
Смотрите, —
Вон,
Ваня Мохов
С Умной Машей,
А за Машей

Скачет слон.

А за ними
По дороге
Мчится с криками народ.
Я стою, расставив ноги,
Широко разинув рот.

Это что, скажите, значит?
Объясните,
Отчего
Все бегут, летят и скачут —
Почему
И для чего?

– Все бегут, летят и скачут, —
Отвечает мне народ, —
Потому что
Это значит:
Наступает Новый год.
Потому что
Это значит —
Новый год уже настал:
Значит, все бегут и скачут
Подписаться на журнал.

Тут и я калоши скинул,
От волненья задрожал,
Шапку на уши надвинул
И за ними побежал.

1935

1936

27. «Мы забрались в траву и оттуда кричим...»

Мы забрались в траву и оттуда кричим:
Астроном! Астроном! Астроном!
Он стоит на крыльце с телескопом в руках,
С телескопом в руках на крыльце.
И глядит с удивленьем вперёд и назад,
И глядит с удивленьем вперёд и назад,
И глядит с удивленьем вперёд.

Мы кричим: посмотри! Мы кричим: посмотри!
Посмотри, астроном, в телескоп!
Он обводит глазами таинственный сад,
Телескоп за подставку берет
И глядит с удивленьем вперёд и назад
И глядит с удивленьем вперёд и назад
И глядит с удивленьем вперёд.

1936

28. Тигр на улице

Я долго думал, откуда на улице взялся тигр.
Думал-думал,
Думал-думал,
Думал-думал,
Думал-думал,

В это время ветер дунул,
И я забыл, о чем я думал.

Так я и не знаю, откуда на улице взялся тигр.

Карл Иванович Шустерлинг
<1936>

29. Мы спешим сегодня в школу

На стене часы у нас
Прозвонили восемь раз.
В это время я проснулся
И глаза открыл как раз.

Я проснулся —
И тотчас же
В брюки сунул две ноги.
Потянулся —
И тотчас же
Прыгнул прямо в сапоги!
А потом схватил рубашку,
Сунул руки в рукава,
Сунул голову в рубашку,
Но застряла голова.
Наконец, надев рубашку,
Я на улицу бегу,
А тужурку и фуражку
Надеваю на ходу.
Я фуражку
И тужурку
Надеваю
На ходу,
Потому что
День
Сегодня
Самый
Лучший
День
В году.
Потому что
День сегодня
Самый лучший день в году,
Потому что
Я сегодня
В школу
В первый раз бегу.
Я войду сегодня в школу,
Прямо в школу
В первый раз!
Я войду —
Часы ударят
В колокольчик девять раз.
Эй вы, люди, расступитесь!
Пропустите, люди, нас!
Мы бежим сегодня в школу,
Прямо в школу —
В первый класс!

Даниил Хармс
<1936>

1937

30. Из дома вышел человек

Песенка

Из дома вышел человек
С дубинкой и мешком,
 И в дальний путь,
 И в дальний путь
Отправился пешком.

Он шел все прямо и вперед
И все вперед глядел.
 Ни спал, ни пил,
 Ни пил, ни спал,
Ни спал, ни пил, ни ел.

И вот однажды на заре
Вошел он в темный лес
 И с той поры,
 И с той поры,
И с той поры исчез.

Но если как-нибудь его
Случится встретить вам,
 Тогда скорей,
 Тогда скорей,
Скорей скажите нам.

Д. Хармс
1937

31. Кошки

Однажды по дорожке
Я шел к себе домой;
Смотрю и вижу: кошки
Сидят ко мне спиной.

Я крикнул: «Эй, вы, кошки!
Пойдемте-ка со мной,
Пойдемте по дорожке,
Пойдемте-ка домой.

Скорей пойдете, кошки,
А я вам на обед
Из лука и картошки
Устрою винегрет».

– Ах, нет! – сказали кошки.
Останемся мы тут! —
Уселись на дорожке
И дальше не идут.

Д. Хармс
1937

1938

32. «Это резвый конь ребенок...»

Это резвый конь ребенок,
И не конь еще пока,
Это только жеребенок
35-го полка,
35-го полка.

Год пройдет обыкновенный,
И сквозь пыли облака
Вдруг поскачет конь военный,
Рыжий конь в сбруе ременной
35-го полка,
35-го полка.

Даниил Хармс
1938

33. «Очень страшная история»

Доедая с маслом булку,
Братья шли по переулку.
Вдруг на них из закоулка
Пес большой залаял гулко.

Сказал младший: «Вот напасть,
Хочет он на нас напасть.
Чтоб в беду нам не попасть,
Псу мы бросим булку в пасть».

Все окончилось прекрасно.
Братьям сразу стало ясно,
Что на каждую прогулку
Надо брать с собою... булку.

1938

34. Игра

Пуговка, веревочка,
Палочка-выручалочка!

Пряткой будет Женька!
Прячься хорошенько!

Где мы все и сколько нас,
Долго нам рассказывать.

Только очень просим вас
Женьке не подсказывать.

Хармс
1938

35. Считалка

Динь, день,
Дили-день!
То ли ночь,
А то ли день?
Что за чудо —
Чудеса?
Скрыла туча
Небеса!

Динь, дон,
Дили-дон!
Отвечает
Спиридон:
Это по небу
Плывет
Наш родной
Аэрофлот!

Д. Хармс
1938

36. Я самый храбрый

Я сказал, поднявши лапу:
Ну-ка, прыгнем через папу.

В это время папа сел —
Я и прыгнуть не успел.

Я немного разбежался,
В это время папа встал.

Тут я прыгнуть отказался,

Потому что я устал.

Д. Хармс
1938

37. Удивительная кошка

Несчастливая кошка порезала лапу,
Сидит и ни шагу не может ступить.

Скорей, чтобы вылечить кошкину лапу,
Воздушные шарики надо купить!

И сразу столпился народ на дороге,
Шумит, и кричит, и на кошку глядит.

А кошка отчасти идет по дороге,
Отчасти по воздуху плавно летит!

Д. Хармс
1938

38. В гостях

Придумай сказку

Мышь меня на чашку чая
Пригласила в новый дом.

Долго в дом войти не мог я,
Все же влез в него с трудом.

А теперь вы мне скажите:
Почему и отчего

Нет ни дома, и ни чая,
Нет буквально ничего!

Даниил Хармс
1938

39. Песенка про пограничника

Пусть метель
И пурга,

Мы не пустим
Врага!
На границах у нас
Все отличники.
Ни в метель,
Ни в пургу
Не пробраться
Врагу!
День и ночь на-чеку
Пограничники!

Пограничник
Стоит,
Нашу землю
Хранит.
Он стоит притаясь,
Не шевелится.
Встретить пулей
Готов
Пограничник
Врагов,
А кругом и пурга,
И метелица!

Кто-то там
Вдалеке,
По замерзшей
Реке
Потихоньку бежит,
Озирается.
Это, видно,
Шпион.
В нашу родину
Он
Сквозь метель и пургу
Пробирается.

Пусть метель
И пурга,
Мы не пустим
Врага!
На границах у нас
Все отличники.
Ни в метель,
Ни в пургу
Не пробраться
Врагу!
День и ночь на-чеку
Пограничники!

День и ночь на-чеку
Пограничники!

Даниил Хармс
1938

1939

40. Первомайская песня

Да, сегодня раньше всех,
Раньше всех,
Да, сегодня раньше всех
Встанем я и ты —
Для того, чтоб нам попасть,
Нам попасть,
Для того, чтоб нам попасть
В первые ряды.

Мы к трибуне подойдем,
Подойдем,
Мы к трибуне подойдем
С самого утра,
Чтобы крикнуть раньше всех,
Раньше всех,
Чтобы крикнуть раньше всех
Сталину «ура».

Чтобы крикнуть всей земле,
Всей земле,
Чтобы крикнуть всей земле,
Много-много раз:
Нет врага на всей земле,
Всей земле,
Нет врага на всей земле
Страшного для нас.

Потому что, если враг,
Если враг,
Потому что, если враг
Вдруг и нападет, —
Ворошилов на коне,
На коне,
Ворошилов на коне
В бой нас поведет.

Да, сегодня раньше всех,
Раньше всех,
Да, сегодня раньше всех
Встанем я и ты —
Для того, чтоб нам попасть,
Нам попасть,

Для того, чтоб нам попасть
В первые ряды.

Даниил Хармс
1939

41. Бульдог и таксик

Над косточкой сидит бульдог,
Привязанный к столбу.
Подходит таксик маленький,
С морщинками на лбу.

«Послушайте, бульдог, бульдог! —
Сказал незванный гость, —
Позвольте мне, бульдог, бульдог,
Докушать эту кость».

Рычит бульдог на таксика:
«Не дам вам ничего!» —
Бежит бульдог за таксиком,
А таксик от него.

Бегут они вокруг столба.
Как лев, бульдог рычит.
И цепь стучит вокруг столба,
Вокруг столба стучит.

Теперь бульдогу косточку
Не взять уже никак.
А таксик, взявши косточку,
Сказал бульдогу так:
«Пора мне на свидание,
Уж восемь без пяти.
Как поздно! До свидания!
Сидите на цепи!»

Д. Хармс
1939

42. Журавли и корабли

Я на камне сижу
И на море гляжу,
А по морю плывут корабли.
Я на травке лежу
И на небо гляжу,

А по небу летят журавли.

И кричат журавли:
– Вон плывут корабли,
Поднимаются мачтами к нам.
Ты взойди на корабль
И за нами плыви,
И за нами плыви по волнам. —

Я кричу кораблям,
Я кричу журавлям.
– Нет, спасибо! – я громко кричу. —
Вы плывите себе!
И летите себе!
Только я никуда не хочу. —

Мне кричат журавли:
– Так оставь корабли!
Мы на крыльях тебя понесем.
Все покажем тебе
И расскажем тебе,
И расскажем тебе обо всем. —

– Нет, спасибо! – кричу. —
Уж я не полечу.
Лучше вы возвращайтесь ко мне.
Я отсюда
Совсем
Никуда
Не хочу!
Я останусь в Советской Стране!

Д. Хармс
1939

43. Веселый скрипач

Проходит Володя
И тихо хохочет.

Володя проходит
И грабли волочит.

Потом достает
Из кармана калач,

И две собачонки
Проносятся вскачь.

И пристально смотрит
Скрипач на песок,
И к скрипке привычно
Склоняет висок.

И думают люди:
«Вот это игра!
Мы слушать готовы
Всю ночь до утра!»

Даниил Хармс
1939

1930-е

44. «На этой странице...»

На этой странице
Странные птицы
Странно летают!
А тут:
Странные люди
Стоят очень странно,
И странные пальмы растут.

И странное солнце
Блестит над странною
И странная светит луна
Но мы улыбнемся
И скажем с тобою:
Бумажная это страна.

45. «Жил на свете...»

Жил на свете
Мальчик Петя,
Мальчик Петя
 Пинчиков
И сказал он:
Тётя тётя,
Дайте тётя
 Блинчиков

Но сказала тётя Пете:
Петя Петя Пинчиков!
Не люблю я когда дети
Очень кланчут блинчиков.

45. «Жил на свете...»

Машинист трубит в трубу
Паровоз грохочет.
Возле топки, весь в поту
Кочегар хлопочет.

А вот это детский сад
Ездил он на речку,
А теперь спешит назад
К милому крылечку.

Мчится поезд всё вперёд
Станция не скоро.
Всю дорогу ест и пьёт
Пассажир обжора

47. «Как-то жил один столяр...»

Как-то жил один столяр.
Замечательный столяр!
Удивительный столяр!!
Делал стулья и столы,
Окна, двери и полы
Для жильца – перегородку
Для сапожника – колодку
Астроному в один миг
Сделал полочку для книг
Если птица – делал клетку
Если дворник – табуретку
Если школьник – делал парту
Прикреплял на полку карту
Делал глобус топором
А из глобуса потом
Делал шилом и пилой
Ящик с крышкой откидной.
Вот однажды утром рано
Он стоял над верстаком
И барана из чурбана
Ловко делал топором.
А закончил он барана
Сразу сделал пастуха,
Сделал три самолёта
И четыре петуха.

48. «Ну ка Петя, ну ка Петя...»

Ну ка Петя, ну ка Петя
Закусили, вытрем рот
и пойдём с тобою Петя
мы работать в огород.

Ты работай да не прыгай
туда сюда напоказ
я лопатой ты мотыгой
грядки сделаем как раз

ты смотри не отставай
ты гляди совсем заки
эта грядка под морковь
эта грядка под редис

грядки сделаны отменно
только новая беда
прёт из грядки непременно
то лопух то лебеда.

Эй, глядите, весь народ
вдруг пошел на огород
как солдаты
как солдаты
кто с мотыгой
кто с лопатой

1940

49. Дворник – дед Мороз

В шубе, в шапке, в душегрейке
Дворник трубочку курил,
И, усевшись на скамейке,
Дворник снегу говорил:

«Ты летаешь или таешь?
Ничего тут не поймешь!
Подметаешь, разметаешь,
Только бестолку метёшь!
Да к чему ж я говорю?
Сяду я да покурю».

Дворник трубку курит, курит...
И глаза от снега шурит,
И вздыхает, и зевает,
И внезапно засыпает.

«Глянь-ка, Маня! – крикнул Ваня.
Видишь, чучело сидит
И глазами-угольками
На метлу свою глядит.
Это вроде снежной бабки
Или просто дед Мороз.
Ну-ка, дай ему по шапке,
Да схвати его за нос!»

А оно как зарычит!
Как ногами застучит!
Да как вскочит со скамейки,
Да по-русски закричит:

«Будет вам ужо мороз —
Как хватать меня за нос!»

Даниил Хармс
1940

50. Что это было?

Я шел зимою вдоль болота
В галошах,

В шляпе
И в очках.
Вдруг по реке пронесся кто-то
На металлических
Крючках.

Я побежал скорее к речке,
А он бегом пустился в лес,
К ногам приделал две дощечки,
Присел,
Подпрыгнул
И исчез.

И долго я стоял у речки
И долго думал, сняв очки:

«Какие странные
Дощечки
И непонятные
Крючки!»

Даниил Хармс
<1940>

51. «Искала старушка букашек в цветах...»

Искала старушка букашек в цветах
И ловко ловила букашек сачком.
Но крепко держала старушка в руках
Лекарство и ключик, и палку с крючком.

Однажды старушка копалась в цветах
И вскрикнула вдруг, завертевшись волчком:
– Исчезли! Пропали! Да где ж они? Ах!
Лекарство, и ключик, и палка с крючком!

И с места не может старушка сойти,
Кричит: «Помогите!» И машет сачком.
Скорей помогите старушке найти
Лекарство, и ключик, и палку с крючком!

1940

52. Кораблик

По реке плывет кораблик,
Он плывет издалека.

На кораблике четыре
Очень храбрых моряка.

У них ушки на макушке,
У них длинные хвосты.
И страшны им только кошки,
Только кошки да коты!

Даниил Хармс
<1940>

53. Веселый старичок

Жил на свете старичок
Маленького роста
И смеялся старичок
Чрезвычайно просто:
«Ха-ха-ха
Да хе-хе-хе,
Хи-хи-хи
Да бух-бух!
Бу-бу-бу
Да бе-бе-бе,
Динь-динь-динь
Да трюх-трюх!»

Раз, увидя паука,
Страшно испугался,
Но, схватившись за бока,
Громко рассмеялся:
«Хи-хи-хи
Да ха-ха-ха,
Хо-хо-хо
Да гуль-гуль!
Ги-ги-ги
Да га-га-га,
Го-го-го
Да буль-буль!»

А увидя стрекозу,
Страшно рассердился,
Но от смеха на траву
Так и повалился.
«Гы-гы-гы
Да гу-гу-гу,
Го-го-го
Да бах-бах!
Ой, ребята,
Не могу!
Ой, ребята,

Ах, ах!»

Даниил Хармс
1940

54. Странный бородач

Бал веселый!
Бал парадный!
Шумный,
Пестрый,
Маскарадный!
Вход для школьников
открыт,
Для дошкольников —
Закрыт.

Вот смотри:
Стоят у входа
Коля с Петей.
Но смотри:
Одному четыре года,
А другому только три.

Говорят они: – Пустите! —
Но швейцар им: – Нет, друзья,
Вы сначала подрастите,
А таких пустить нельзя. —

Коля с Петей прочь отходят...
Вдруг к швейцару с булавой
Гражданин один подходит
С очень длинной бородой.
– Я на бал иду. Пустите.
Где тут вход? Я не пойму.
– Гражданин, сюда пройдите, —
Говорит швейцар ему.

Бал гремит, шумит, грохочет,
Все кругом несется вскачь,
Только громче всех топочет
Очень странный бородач.

Все танцующие люди
Собрались вокруг него.
Вот несут к нему на блюде
Ледяное эскимо.

Стихла музыка.
И вдруг
Закричали все вокруг:
– Эй, глядите-ка! Глядите!
У него две пары рук! —

Понемногу,
Постепенно
Всем понятно стало всё,
Что ведь это,
Несомненно,
Коля с Петей.

Вот и всё.

Д. Хармс
1940

1941

55. Цирк Принтинграм

невероятное представление новая программа

Сто коров,
Двести бобров,
Четыреста двадцать
Учёных комаров
Покажут сорок
Удивительных
Номеров.

Четыре тысячи петухов
И четыре тысячи индюков
Разом
Выскочат
Из четырех сундуков.

Две свиньи
Спляшут польку.
Клоун Петька
Ударит клоуна Кольку.
Клоун Колька
Ударит клоуна Петьку.
Учёный попугай
Съест мочёную
Редьку.

Четыре тигра
Подерутся с четырьмя львами.
Выйдет Иван Кузьмич
С пятью головами.
Силач Хохлов
Поднимет зубами слона.
Потухнут лампы
Вспыхнет луна.

Загорятся под куполом
Электрические звёзды.
Учёные ласточки
Совьют золотые гнёзда.
Грянет музыка,
И цирк закачается...

На этом, друзья,
Представление
наше
КОНЧАЕТСЯ.

Даниил Хармс
1941

56. Кто кого перехитрил?

Вот сидят четыре зайца,
Я капкан поставлю тут,
И в капкан четыре зайца
Моментально попадут.

Ой! Ой! Ой! Ой!
Сам в капкан попал ногой!
– Зайцы, зайцы,
Поглядите!
Подойдите!
Помогите!

Надо мной смеются зайцы:
– Хи-хи-хи
Да ха-ха-ха!
Ты совсем теперь не страшен,
Не страшнее, чем блоха! —

Тут я разом как вскочу!
Как их за уши схвачу!
И с восторгом
Очень громко
Во весь голос закричу:
– Вот вам, зайцы, и блоха!
Не уйдете! Ха-ха-ха!

Даниил Хармс
1941

57. «Еду-еду на коне...»

Еду-еду на коне —
Просто восхитительно!

Вон козел бежит ко мне
Очень уж стремительно!

Вдруг верхом я на козле
Это удивительно!

Д. Хармс
1941

58. Неожиданный улов

Сын сказал отцу: – Отец,
Что же это наконец?
Шесть часов мы удим, удим,
Не поймали ничего.
Лучше так сидеть не будем
Неизвестно для чего.

– Замолчишь ты наконец! —
Крикнул с яростью отец.
Он вскочил, взглянул на небо.
Сердце так и ухнуло!

И мгновенно что-то с неба
В воду с криком бухнуло.

Сын, при помощи отца,
Тащит на берег пловца,
А за ним на берег рыбы
Так и лезут без конца!

Сын доволен. Рад отец.
Вот и повести конец.

Даниил Хармс
1941

59. «Девять...»

Девять
Картин
Нарисовано
Тут.
Мы разглядели их
В девять
Минут.
Но если б
Их было
Не девять,
А больше,

То мы
и глазели
На них бы
Подольше.

1941

60. Лиса и петух

Лиса поймала петуха
И посадила в клетку.
– Я откормлю вас,
Ха-ха-ха!
И съем вас
Как конфетку.

Ушла лисица,
Но в замок
Забыла сунуть ветку.
Петух
Скорей
Из клетки
Скок!
И спрятался
За клетку.
Не видя в клетке петуха,
Лисица влезла в клетку.
Петух же крикнул:
– Ха-ха-ха!
И запер дверь на ветку.

1941

Переводы

61. В. Буш Плих и Плюх

Глава первая

Каспар Шлих, куря табак,
Нес под мышкой двух собак.

«Ну! – воскликнул Каспар Шлих, —
Прямо в речку брошу их!»

Хоп! взлетел щенок дугой,
Плих! и скрылся под водой.

Хоп! взлетел за ним другой,
Плюх! и тоже под водой.

Шлих ушел, куря табак;
Шлиха нет, и нет собак.

Вдруг из леса, точно ветер,
Вылетают Пауль и Петер,
И тотчас же с головой
Исчезают под водой.
Не прошло и двух минут,
Оба к берегу плывут,
Вылезают из реки,
А в руках у них щенки.

Петер крикнул: «Это мой!»
Пауль крикнул: «Это мой!»
«Ты будь Плихом!»
«Ты будь Плюхом!»
«А теперь бежим домой!»
Петер, Пауль, Плих и Плюх
Мчатся к дому во весь дух.

Глава вторая

Папа Фиттих рядом с мамой,

Мама Фиттих рядом с папой,
На скамеечке сидят,
Вдаль задумчиво глядят.

Вдруг мальчишки прибежали
И со смехом закричали:
«Познакомьтесь: Плюх и Плих!
Мы спасли от смерти их!»

«Это что ещё за штуки?» —
Грозно крикнул папа Фиттих.
Мама, взяв его за руки,
Говорит: «Не надо бить их!»

И к столу детей ведёт.
Плих и Плюх бегут вперёд.
Что такое?
Что такое?
Где похлёбка?
Где жаркое?

Две собаки Плюх и Плих
Съели всё за четверых.

Каспар Шлих, куря табак,
Увидал своих собак.
«Ну! – воскликнул Каспар Шлих, —
Я избавился от них!

Бросил в речку их на дно,
А теперь мне всё равно!»

Глава третья

Ночь.
Луна.
Не дует ветер.
На кустах не дрогнет лист.

Спят в кроватях
Пауль и Петер,
Слышен только
Храп и свист.

Плих и Плюх
Сидели тихо,
Но, услыша

Свист и храп,
Стали вдруг
Чесаться лихо
С громким стуком
Задних лап.

Почесав
зубами спины
И взглянув
с тоской вокруг,
На кровати
Под перины
Плих и Плюх
Полезли вдруг.

Тут проснулись оба брата
И собак прогнали прочь.
На полу сидят щенята.
Ах, как долго длится ночь!

Скучно без толку слоняться
Им по комнате опять, —
Надо чем-нибудь заняться,
Чтобы время скоротать.

Плих штаны зубами тянет,
Плюх играет сапогом.
Вот и солнце скоро встанет.
Посветлело всё кругом.

«Это что ещё за штуки!» —
Утром крикнул папа Фиттих.
Мама, взяв его за руки,
Говорит: «Не надо бить их!
Будь хорошим.
Не сердись.
Лучше завтракать садись!»

Светит солнце.
Дует ветер.
А в саду,
Среди травы,
Стали рядом
Пауль и Петер.
Полюбуйтесь каковы!

Грустно воют Плюх и Плих,
Не пускают цепи их.

Плих и Плюх в собачьей будке
Арестованы на сутки.

Каспар Шлих, куря табак,
Увидал своих собак.
«Ну! – воскликнул Каспар Шлих, —
Я избавился от них!
Бросил в речку их, на дно,
А теперь мне всё равно!»

Глава четвертая

Мышку, серую плутовку,
Заманили в мышеловку.

Эй, собаки,
Плюх и Плих!
Вот вам завтрак на двоих!

Мчатся псы и лают звонко;
Ловят быстрого мышонка,
А мышонок не сдаётся,
Прямо к Паулю несётся.
По ноге его полез
И в штанах его исчез.

Ищут мышку Плюх и Плих,
Мышка прячется от них.

Вдруг завыл от боли пёс,
Мышь вцепилась Плюху в нос!
Плих на помощь подбегает,
А мышонок прыг назад,

Плиха за ухо хватает
И к соседке мчится в сад.

А за мышкой во весь дух
Мчатся с лаем Плих и Плюх.

Мышь бежит,
За ней собаки.
Не уйти ей от собак.
На пути
Левкой,
Маки,
Георгины

И табак.

Псы рычат
И громко воют,
И ногами
Землю роют,
И носами
Клумбу роют,
И рычат,
И громко воют.

В это время Паулина,
Чтобы кухню осветить,
В лампу кружку керосина
Собиралась перелить,

Вдруг в окошко поглядела
И от страха побледнела,
Побледнела,
Задрожала,
Закричала:
«Прочь скоты!
Всё погибло.
Всё пропало.
Ах, цветы, мои цветы!»

Гибнет роза,
Гибнет мак,
Резеда и георгин!

Паулина на собак
Выливает керосин.
Керосин
Противный,
Жгучий,
Очень едкий
И вонючий!

Воют жалобно собаки,
Чешут спины
И бока.
Топчут розы,
Топчут маки,
Топчут грядки табака.

Громко взвизгнула соседка
И, печально крикнув: «У-у-у!»,
Как надломленная ветка,
Повалилась на траву.

Каспар Шлих, куря табак,
Увидал своих собак,
И воскликнул Каспар Шлих:
«Я избавился от них!
Я их выбросил давно,
И теперь мне всё равно!»

Глава пятая

Снова в будке Плюх и Плих.
Всякий скажет вам про них:
«Вот друзья, так уж друзья!
Лучше выдумать нельзя!»

Но известно, что собаки
Не умеют жить без драки.

Вот в саду, под старым дубом,
Разодрались Плих и Плюх.
И помчались друг за другом
Прямо к дому во весь дух.

В это время мама Фиттих
На плите пекла блины.
До обеда покормить их
Просят маму шалуны.

Вдруг из двери мимо них
Мчатся с лаем Плюх и Плих.

Драться в кухне мало места:
Табурет, горшок и тесто
И кастрюля с молоком
Полетели кувырком.

Пауль кнутиком взмахнул,
Плиха кнутиком стегнул.
Петер крикнул:
«Ты чего
Обижаешь моего?
Чем собака виновата?»
И кнутом ударил брата.
Пауль тоже рассердился,
Быстро к брату подскочил,
В волоса его вцепился
И на землю повалил.

Тут примчался папа Фиттих
С длинной палкою в руках.
«Ну, теперь я буду бить их!»
Закричал он впопыхах.

«Да, – промолвил Каспар Шлих, —
Я давно побил бы их.
Я побил бы их давно!
Мне-то, впрочем, всё равно!»

Папа Фиттих на ходу
Вдруг схватил сковороду,
И на Шлиха блин горячий
Нахлобучил на ходу.

«Ну, – воскликнул Каспар Шлих, —
Пострадал и я от них.
Даже трубка и табак
Пострадали от собак!»

Глава шестая

Очень, очень, очень, очень
Папа Фиттих озабочен...

«Что мне делать? – говорит, —
Голова моя горит.
Петер – дерзкий мальчуган,
Пауль – страшный грубиян,

Я пошлю мальчишек в школу,
Пусть их учит Бокельман!»

Бокельман учил мальчишек,
Палкой по столу стучал,

Бокельман ругал мальчишек
И как лев на них рычал.

Если кто не знал урока,
Не умел спрягать глагол, —

Бокельман того жестоко
Тонкой розгою порол.

Впрочем, это очень мало

Иль совсем не помогало,
Потому что от битья
Умным сделаться нельзя.
Кончив школу кое-как,
Стали оба мальчугана
Обучать своих собак
Всем наукам Бокельмана.
Били, били, били, били,
Били палками собак,
А собаки громко выли,
Но не слушались никак.
«Нет, – подумали друзья, —
Так собак учить нельзя!
Палкой делу не помочь!
Мы бросаем палки прочь».

И собаки в самом деле
Поумнели в две недели.

Глава седьмая и последняя

Англичанин мистер Хопп
Смотрит в длинный телескоп.

Видит горы и леса
Облака и небеса,

Но не видит ничего,
Что под носом у него.
Вдруг о камень он споткнулся,
Прямо в речку окунулся.

Шел с прогулки папа Фиттих,
Слышит крики: «Караул!»
«Эй, – сказал он, – посмотрите,
Кто-то в речке утонул».

Плих и Плюх помчались сразу,
Громко лая и визжа.
Видят – кто-то долговязый
Лезет на берег дрожа.

«Где мой шлем и телескоп?»
Воскликает мистер Хопп.

И тотчас же Плих и Плюх
По команде в воду бух!

Не прошло и двух минут,
Оба к берегу плывут.

«Вот мой шлем и телескоп!»
Громко крикнул мистер Хопп
И прибавил: «Это ловко!
Вот что значит дрессировка!
Я таких собак люблю,
Я сейчас же их куплю.
За собачек сто рублей
Получите поскорей!»

«О! – воскликнул папа Фиттих, —
Разрешите получить их!»

«До свиданья! До свиданья!
До свиданья, Плюх и Плих!»
Говорили Пауль и Петер,
Обнимая крепко их.

«Вот на этом самом месте
Мы спасли когда-то вас,
Целый год мы жили вместе,
Но расстанемся сейчас».

Каспар Шлих, куря табак,
Увидал своих собак.
«Ну и ну! – воскликнул он, —
Сон ли это, иль не сон?
В самом деле, как же так?
Сто рублей за двух собак!
Мог бы стать я богачом,
А остался не при чём».

Каспар Шлих ногою топнул,
Чубуком о землю хлопнул,
Каспар Шлих рукой махнул —
Бух!
И в речке утонул.

Трубка старая дымится,
Дыма облачко клубится.
Трубка гаснет наконец.
Вот и повести
конец.

1936

62. В. Буш

Как Володя быстро под гору летел

На салазочках Володя
Быстро под гору летел.
На охотника Володя
Полным ходом налетел.

Вот охотник
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят.
Быстро под гору летели —
На собачку налетели.

Вот собачка,
И охотник,
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят.
Быстро под гору летели —
На лисичку налетели.

Вот лисичка,
И собачка,
И охотник,
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят.
Быстро под гору летели
И на зайца налетели.

Вот и заяц
И лисичка,
И собачка,
И охотник,
И Володя
На салазочках сидят,
Быстро под гору летят.
Быстро под гору летели —
На медведя налетели!

И Володя с той поры
Не катается с горы.

1936

Проза

1928

63. Озорная пробка

В 124-м Детском доме, ровно в 8 часов вечера, зазвонил колокол.

Ужинать! Ужинать! Ужинать! Ужинать!

Девчонки и мальчишки бежали вниз по лестнице в столовую. С криком и топотом и хохотом каждый занимал свое место.

Сегодня на кухне дежурят Арбузов и Рубакин, а также учитель Павел Карлович или Палкарлыч.

Когда все расселись, Палкарлыч сказал:

– Сегодня на ужин вам будет суп с клецками.

Арбузов и Рубакин внесли котел, поставили его на табурет и подняли крышку. Палкарлыч подошёл к котлу и начал выкрикивать имена.

– Иван Мухин! Нина Веревкина! Федул Карапузов!

Выкликаемые подходили, Арбузов наливал им в тарелку суп, а Рубакин давал булку. Получивший то и другое шёл на свое место.

– Кузьма Паровозов! – кричал Палкарлыч. – Михаил Топунов! Зинаида Гребешкова! Громкоговоритель!

Громкоговорителем звали Сережу Чикина за то, что он всегда говорил во весь дух, а тихо разговаривать не мог.

Когда Сережка-Громкоговоритель подошел к котлу, – вдруг стало темно.

– Электричество потухло! – закричали на разные голоса.

– Ай, ай, ай, ты смотри, что ты делаешь! – громче всех кричал Громкоговоритель.

– Громкоговоритель в супе купается, – кричал Кузьма Паровозов.

– Смотри, не подавись клецками, – кричал Петр Сапогов.

– Тише, сидите на местах! – кричал Палкарлыч.

– Отдай мне мою булку! – кричала Зинаида Гребешкова.

Но тут стало опять светло.

– Электричество загорелось! – закричал Кузьма Паровозов.

– И без тебя вижу, – отвечала ему Зинаида Гребешкова.

– А я весь в супе, – кричал Громкоговоритель.

Когда немного поуспокоились, Палкарлыч опять начал выкрикивать:

– Петр Сапогов! Мария Гусева! Николай Пнёв!

На другой день вечером, когда Палкарлыч показывал детям новое гимнастическое упражнение, вдруг стало опять темно.

Федул Карапузов, Нина Веревкина и Николай Пнёв, повторяя движения Палкарлыча, поскользнулись в темноте и упали на пол.

Петр Сапогов, воспользовавшись темнотой, ударил Громкоговорителя кулаком в спину.

Кругом кричали:

– Опять потухло! Опять потухло! Принесите лампу! Сейчас загорится!

И действительно электричество опять загорелось.

– Это ты меня ударил? – спросил Громкоговоритель.

– И не думал, – отвечал Сапогов.

– Тут что-то неладно, – сказал Палкарлыч. – Ты, Мухин, и ты, Громкоговоритель, сбегайте в соседний дом и узнайте: если там электричество не тухло, как у нас, то надо будет позвать монтера.

Мухин и Громкоговоритель убежали и, скоро вернувшись, сказали, что, кроме как в Детском доме, электричество не тухло.

На третий день, с самого утра, по всему Детскому дому ходил монтер с длинной двойной лестницей-стремянкой. Он в каждой комнате ставил стремянку, влезал на нее, шарил рукой по потолку, по стенам, зажигал и тушил разные лампочки, потом зачем-то бежал в прихожую, где над вешалкой висел счетчик и мраморная дощечка с пробками. Следом за монтером ходили несколько мальчишек и с любопытством смотрели, что он делает. Наконец монтер, собираясь уходить, сказал, что пробки были не в порядке, и от легкой встряски электричество могло тухнуть. Но теперь все хорошо, и по пробкам можно бить хоть топором.

– Прямо так и бить? – спросил Петр Сапогов.

– Нет, это я пошутил, – сказал монтер, – но во всяком случае теперь электричество не погаснет.

Монтер ушел. Петр Сапогов постоял на месте, потом пошел в прихожую и долго глядел на счетчик и пробки.

– Что ты тут делаешь? – спросил его Громкоговоритель.

– А тебе какое дело, – сказал Петька Сапогов и пошел на кухню.

Пробило 2 часа, потом 3, потом 4, потом 5, потом 6, потом 7, потом 8.

– Ну, – говорил Палкарлыч, – сегодня мы не будем сидеть в темноте. У нас были пробки не в порядке.

– А что такое пробки? – спросила Мария Гусева.

– Пробки, это их так называют за их форму. Они...

Но тут электричество погасло, и стало темно.

– Потухло! – кричал Кузьма Паровозов.

– Погасло! – кричала Нина Веревкина.

– Сейчас загорится! – кричал Громкоговоритель, отыскивая в потьмах Петьку Сапогова, чтобы, как-бы невзначай, дать ему подзатыльник. Но Петька не находился. Минуты через полторы электричество опять загорелось. Громкоговоритель посмотрел кругом. Петьки нет как нет.

– Завтра позовем другого монтера, – говорил Палкарлыч. – Этот ничего не понимает.

«Куда бы мог пропасть Петька? – думал Громкоговоритель. – На кухне он, кажись, сегодня не дежурит. Ну ладно, мы с ним еще посражаемся».

На четвертый день позвали другого монтера. Новый монтер осмотрел провода, пробки и счетчик, слазил на чердак и сказал, что теперь-то уж все в исправности.

Вечером, около 8 часов, электричество потухло опять.

На пятый день электричество потухло, когда все сидели в клубе и рисовали стенгазету. Зинаида Гребешкова рассыпала коробочку с кнопками. Михаил Топунов кинулся помогать ей собирать кнопки, но тут-то электричество и погасло, и Михаил Топунов с разбега налетел на столик с моделью деревенской избы-читальни. Изба-читальня упала и разбилась. Принесли свечу, чтобы посмотреть, что произошло, но электричество загорелось.

На шестой день в стенгазете 124-го Детского дома появилась картинка; на ней были нарисованы человечки стоящие с растопыренными руками, и падающий столик с маленьким домиком. Под картинкой была подпись:

Электричество потухло

Раз, два, три, четыре, пять.
Только свечку принесли —
Загорелось опять.

Но, несмотря на это, вечером электричество все-таки потухало.

На седьмой день в 124-ый Детский дом приезжали какие-то люди. Палкарлыч водил их по дому и рассказывал о капризном электричестве. Приезжие люди записали что-то в записные книжки и уехали.

Вечером электричество потухло.

Ну, что тут поделаешь!

На восьмой день, вечером, Сергей Чикин, по прозвищу Громкоговоритель, нес линейки и бумагу в рисовальную комнату, которая помещалась внизу около прихожей. Вдруг Громкоговоритель остановился. В прихожей, через раскрытую дверь, он увидел Петра Сапогова. Петр Сапогов, на ципочках, то и дело оглядываясь по сторонам, крался к вешалке, под которой висел счетчик и мраморная дощечка с пробками. Дойдя до вешалки, он еще раз оглянулся и, схватившись руками за вешалочные крючки, а ногами упираясь о стойку, быстро влез наверх и повернул одну пробку. Все потухло. Во втором этаже послышался визг и крик.

Минуту спустя электричество опять зажглось, и Петр Сапогов спрыгнул с вешалки.

– Стой! – крикнул Громкоговоритель, бросая линейки и хватая за плечо Петьку Сапогова.

– Пусти, – сказал Петька Сапогов.

– Нет, не пущу. Это ты зачем тушишь электричество?

– Не знаю, – захныкал Петька Сапогов.

– Нет, врешь! Знаешь! – кричал Громкоговоритель. – Из-за тебя меня супом облили. Шпана ты этакая.

– Честное слово, тогда не я тушил электричество, – завертелся Петька Сапогов. – Тогда оно само тухло. А вот когда монтер сказал, что по пробкам хоть топором бей, – ничего, я вечером и попробовал одну пробку ударить. Рукой, слегка. А потом взял ее да повернул. Электричество и погасло. С тех пор я каждый день тушу. Интересно. Никто починить не может.

– Ну и дурак! – сказал Громкоговоритель. – Смотри у меня; если еще раз потушишь электричество, я всем расскажу. Мы устроим товарищеский суд и тебе не поздоровится. А пока, чтобы ты помнил, получай! – и он ударил Петьку Сапогова в правую лопатку.

Петр Сапогов пробежал два шага и шлепнулся, а Громкоговоритель поднял бумагу и линейки, отнёс их в рисовальную комнату и, как ни в чём не бывало, пошел наверх.

На следующий, девятый, день Громкоговоритель подошел к Палкарлычу.

– Товарищ учитель, – сказал он, – разрешите мне починить электричество.

– А ты разве умеешь? – спросил Палкарлыч.

– Умею.

– Ну, валяй, попробуй, авось никому не удавалось, а тебе удастся.

Громкоговоритель побежал в прихожую, влез на вешалку, поковырял для вида около счетчика, постучал мраморную дощечку и слез обратно.

И что за чудо! С того дня в 124-ом Детском доме электричество горит себе и не тухнет.

Д. Баш
1928

64. Перо Золотого Орла

Было решено, что как только кончится немецкий урок, все индейцы должны будут обратиться в тёмном коридоре за шкафами с физическими приборами. Из коридора нельзя было видеть, что делается за шкафами, и потому индейцы всегда собирались там для обсуждения своих тайных дел. Это место называлось «Ущельем Бобра».

Бледнолицые не имели такого тайного убежища и собирались, где попало, когда в зале, а когда в классе на задних скамейках. <Но зато у Гришки Тулонова, который был бледнолицым, была настоящая подзорная труба>. В эту трубу можно было смотреть и хорошо видеть всё, что творится на большом расстоянии. Индейцы предложили бледнолицым обменять «Ущелье» на подзорную трубу, но Гришка Тулонов отказался. Тогда индейцы объявили войну бледнолицым, чтобы отнять у них подзорную трубу силой. Как раз после немецкого урока индейцы должны были обратиться в Ущелье Бобра для военных обсуждений.

Урок подходил уже к концу и напряжение в классе всё росло и росло. Бледнолицые могли первые занять «Ущелье Бобра»; в виду военного положения это допускалось.

На второй парте сидел вождь каманчей Галлапун, Звериный Прыжок, или, как его звали в школе, Семён Карпенко, готовый каждую минуту вскочить на ноги. Рядом с Галлапуном сидел тоже индеец, великий вождь араукасов Чин-гак-хук. Он делал вид, что списывает с доски немецкие глаголы, а сам писал индейские слова, чтобы употреблять их во время войны.

Чин-гак-хук писал:

Ау – война
Кос – племя
Унем – большое
Инам – маленькое
Амик – бобр
Дэш-кво-нэ-ши – стрекоза
Аратоки – вождь
Тамарака – тоже вождь
Пильгедрау – воинственный клич индейцев
Оах – здравствуйте
Уч – да
Мо – орёл
Капек – перо
Кульмегуинка – бледнолицый
К-уру – чёрный

– Сколько минут осталось до звонка? – спросил своего соседа Галлапун.

– Восемь с половиной, – отвечал Чин-гак-хук, едва двигая губами и внимательно глядя на доску.

– Ну, значит, сегодня спрашивать не будет, – сказал Галлапун.

«Надо сказать Никитину, чтобы он минуты за две до звонка попросил-бы у учителя разрешение выйти из класса и спрятался-бы в Ущелье Бобра», – подумал про себя Галлапун и сейчас-же написал на кусочке бумажки распоряжение и послал его Никитину по телеграфу.

«Телеграфом» назывались две катушки, прибитые под партами, одна под партией Галлапуна, а другая под партией Никитина. На катушках была натянута нитка с привязанной к ней спичечной коробочкой. Если потянуть за нитку, то коробочка поползёт от одной катушке к другой.

Галлапун положил в коробочку своё распоряжение и потянул за нитку. Коробочка уплыла под парту и подъехала к Никитину. Никитин достал из неё распоряжение Галлапуна и прочел: «Галлапун, Звериный Прыжок, вождь каманчей, просит Курумиллу за две минуты до конца немецкого плена бежать <в> „Ущелье Бобра“ и охранять его от бледнолицых».

Внизу послания была нарисована трубка мира, тайный знак каманчей.

Курумилла, или как его звали бледнолицые учителя – Никитин, прочел распоряжение Галлапуна и послал ответ: «Курумилла, Чёрное Золото, исполнит просьбу Галлапуна, Звериного Прыжка».

Галлапун прочел ответ Никитина и успокоился. Теперь Никитин сделает всё, что требуется от индейского воина, и бледнолицым не удастся занять Ущелья.

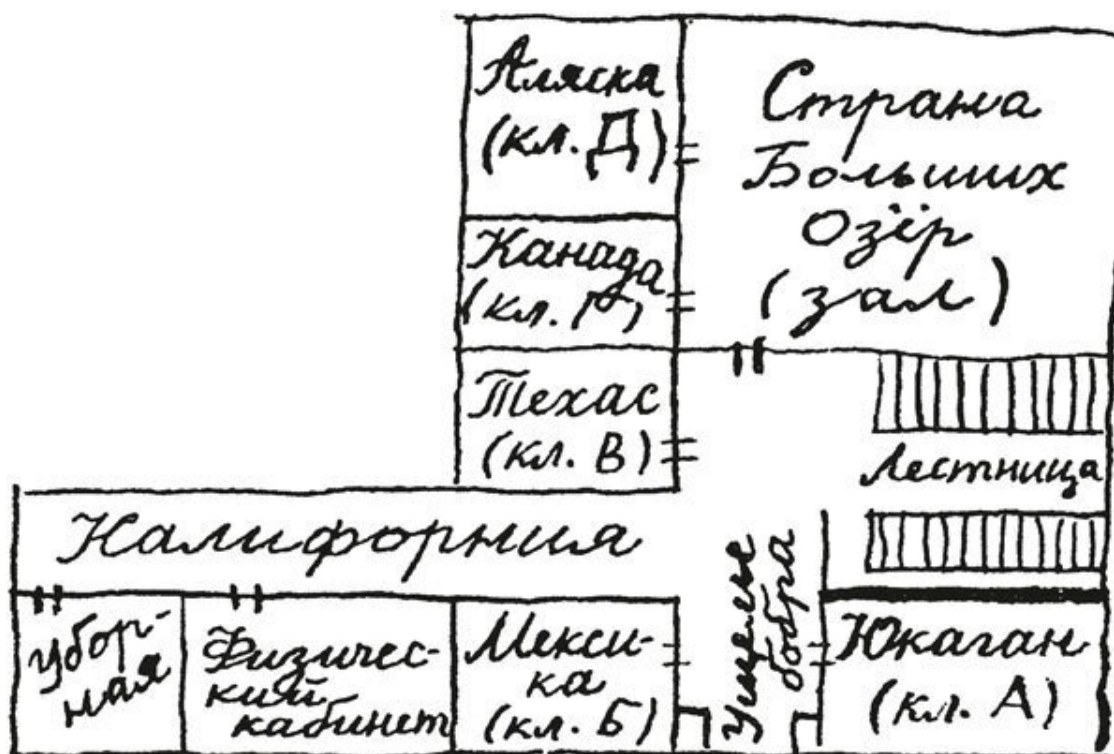
– Ну, теперь «Ущелье» наше, – шепнул Чин-гак-хуку Галлапун.

– Да, – сказал Чин-гак-хук, – если только не помешают нам мексиканцы.

– Какие мексиканцы? – удивился Галлапун.

– А вот видишь, – сказал Чин-гак-хук, разворачивая лист бумаги. – Перед тобой план нашей школы, а вот посмотри, – это карта Северной Америки.

Я дал каждому классу американские названия. Например, Аляска на карте помещается наверху, в правом углу, а на плане нашей школы там находится класс Д. Потому класс Д я назвал Аляской. Классы А и Б на нашем плане стоят внизу. В Америке тут как раз Мексика. Наш класс – Техас, а класс бледнолицых – Канада. Вот посмотри сюда! – И Чин-гак-хук подвинул к Галлапуну лист бумаги с таким планом:

– Значит, мы техасцы? – спросил Галлапун.

– Конечно! – сказал Чин-гак-хук.

– Перестаньте разговаривать! – крикнул им учитель. Чин-гак-хук уставился на доску.

Вдруг раздался звонок. Шварц и Никитин вскочили со своих мест.

– Урок ещё не кончился! – крикнул учитель.

Шварц и Никитин сели.

– По моим часам осталось ещё три минуты до звонка, – сказал Чин-гак-хук.

– Значит, часы твои врут, – сказал Галлапун. – Но как-же быть? Ведь бледнолицые могут занять Ущелье.

– К следующему разу выучите §§ 14, 15, 16, 17 и 19, – диктовал учитель.

В коридоре уже поднимался шум. В классе Б, верно, уже кончился урок. Сейчас и индейцы освободятся, но вдруг бледнолицые раньше! Здесь важна каждая секунда.

– Ну, теперь в зал! – сказал учитель.

Никитина как ветром сдуло. Он вылетел из класса как пуля. Выскочив из дверей, он прямо всем телом налетел на Свистунова. Свистунов был самым сильным бледнолицым. Бледнолицые вышли из класса одновременно с индейцами, и Свистунов бежал в «Ущелье». За Никитиным выбежал из класса Галлапун. Увидев Галлапуна, Свистунов толкнул Никитина и кинулся к «Ущелью».

Но не даром Галлапуна звали Звериным Прыжком. Не успел Свистунов сделать и четырех шагов, как сзади его обхватили сильные руки Галлапуна. Кругом столпились мексиканцы, мальчишки и девчѐнки, и смотрели на борьбу двух силачей.

– Эй-го-ге! – раздался крик Чин-гак-хука. В то время, как Галлапун бился с Свистуновым, Чин-гак-хук прибежал в «Ущелье».

– Эй-го-ге! – крикнул Чин-гак-хук.

Галлапун оставил Свистунова и присоединился к Чин-гак-хуку. «Ущелье Бобра» осталось за индейцами.

– Скорей, скорей, – торапился Чин-гак-хук, – надо обсудить военные дела до конца перемены. Осталось четыре минуты.

Все индейцы были уже в сборе. Никитин встал охранять вход в Ущелье, а Чин-гак-хук сказал:

– Краснокожие! Нас всех, не считая девчѐнок, 11 человек. Бледнолицых хоть и больше, но мы храбрее их. У меня есть план войны. Я вам разошлю его по телеграфу. Если вы согласитесь, то мы предложим его бледнолицым, чтобы война шла правильно. Сейчас я предлагаю вам обсудить один вопрос. Мы все время на уроках думаем: как-бы бледнолицые не заняли Ущелья. Это мешает нам заниматься. Давайте предложим сейчас бледнолицым, чтобы они не занимали Ущелья без нас. Когда мы тут – пусть нападают. И кто во время звонка к уроку будет в Ущелье, – тому Ущелье и будет принадлежать на следующей перемене.

– Правильно! – в один голос ответели все краснокожие.

– Кто пойдет разговаривать с бледнолицыми? – спросил Пирогов или, как его звали индейцы, – Пиррога, что значит лодка.

– Пусть Чин-гак-хук и идет разговаривать! – кричали индейцы.

– Я согласен, – сказал Чин-гак-хук, – только пусть раньше пойдет кто-нибудь и предупредит бледнолицых.

– Пусть Пиррога и пойдет, – сказал кто-то.

– Хорошо, – сказал Чин-гак-хук. – Но у индейцев есть такой обычай, что если человек идёт с миром, то он должен нести с собой трубку мира. У меня есть такая.

Чин-гак-хук достал из кармана маленькую трубочку, должно быть, своего отца. К трубке сюргучом были прикреплены куриные перья.

– Ступай в Страну Больших озер и покажи бледнолицым эту трубку, – сказал Чин-гак-хук Пирроге. – Потом приходи назад и приведи с собой кого ни будь из бледнолицых. Я поговорю с ним в тѐмном коридоре, или как я это называю, – Калифорнии.

Пиррога взял трубку мира и пошёл из Ущелья. Выйдя в коридор, он был окружен толпой любопытных мексиканцев.

– Николай Пирогов

Поймай воробьев!

кричали ему мексиканцы. Но Пиррога шёл, гордо закинув голову, как и подобало ходить настоящему индейцу.

В Стране Больших озёр было очень шумно. Рослые жители Аляски носились по зале, лова друг друга. Тут были и мексиканцы, но мексиканцы народ маленький, хоть и очень подвижный.

В углу Пиррога увидел бледнолицых. Они стояли и о чём-то сговаривались. Пиррога подошел к ним по ближе. Бледнолицые замолчали и уставились на Пиррогу.

Пиррога протянул им трубку мира и сказал:

– Оах! – что означало – здраствуйте.

Из толпы бледнолицых вышел Гришка Тулонов.

– Тебе чего нужно? – спросил он Пиррогу и прищурил глаза.

– Чин-гак-хук, вождь араукасов, хочет говорить с тобой, – сказал Пиррога.

– Так пусть приходит, – сказал Гришка Тулонов, – а ты это чего в руках держишь?

– Это трубка мира! – пояснил Пиррога.

– Трубка мира? А этого хошь? – и Тулонов показал Пирроге кулак.

– Пусть кто ни будь из вас пойдёт переговорить с Чин-гак-хуком, – сказал Пиррога, пряча трубку в карман.

– Ладно, я пойду, – сказал Свистунов.

Пиррога шёл впереди, а Свистунов шёл сзади, размахивая руками.

– Ты подожди в Калифорнии, – сказал Свистунову Пиррога, – а я сейчас позову Чин-гак-хука.

При входе в Ущелье Никитин остановил Пиррогу:

– Кто идет? – спросил Никитин.

– Я, – сказал Пиррога.

– Пароль? – спросил Никитин.

– Три яблока, – сказал Пиррога.

– Проходи, – сказал Никитин.

Чин-гак-хук уже ждал Пиррогу. Он сейчас же взял трубку мира и побежал в Калифорнию. В это время раздался звонок. Пришлось итти в класс.

Индейцы расселись по своим местам, но Чин-гак-хука не было. Сейчас должен начаться урок арифметики.

– Где же Чин-гак-хук? – волновался Галлапун.

– Не подрались-ли они? – сказал Пиррога.

– Я пойду посмотрю, – сказал Галлапун и пошел к двери.

Но из класса не вышел, так как по корридору шёл уже учитель. Галлапун сел на своё место. Учитель вошёл в класс и сел за столик.

В это время дверь бесшумно приоткрылась и закрылась. Чин-гак-хук на четверинках юркнул под парту к Никитину. Учитель повернул голову к двери, но там уже никого не было.

Галлапун был в восторге от Чин-гак-хука.

«Вот это индеец так индеец!» – думал он.

<Вдруг под партой что-то зашуршало и толкнуло колено Галлапуна. Это была коробочка индейского «телеграфа». В коробочке была записка: «Вождь каманчей Галлапун, урони карандаш и начни его искать. Я подползу. Вождь араукасов Чин-гак-хук».

Учитель начал урок. Он каждую минуту мог заметить отсутствие Чин-гак-хука, а потому Галлапун скорей уронил карандаш и наклонился его поднять».

Минуту спустя Чин-гак-хук сидел уже рядом с Галлапуном.

– Свистунов на всё согласен, – сказал он Галлапуну. – Мы можем быть спокойны, что без нас Ущелье они не займут. Теперь надо нашим разослать мои правила войны.

Чин-гак-хук достал большой лист бумаги и написал:

«Индейцы! Мы объявили войну бледнолицым. Но кто останется победителем? Тот, кто завладеет Ущельем и подзорной трубой? Это поведёт к драке и нас выставят из школы. Я предлагаю другое. В зоологическом саду есть клетка с орлом.

У орла другой раз выпадают перья, и сторожа втыкают их в дверце клетки с внутренней стороны. Если согнуть проволочку, то можно достать одно перо.

Сегодня мы идём после большой перемены на экскурсию в зоологический сад. Так вот я и предлагаю считать победителем того, кто первый достанет перо орла.

Я уже говорил со Свистуновым и он передаст это бледнолицым.

Вождь араукасов Чин-гак-хук».

Чин-гак-хук показал проект войны Галлапуну и опустил его в телеграфную коробочку. Вскоре проект, подписанный всеми индейцами, вернулся к Чин-гак-хуку.

– Все согласны, – сказал Чин-гак-хук и стал внимательно слушать учителя.

– Тр-р-р-р-р-р-р! – зазвенел звонок.

Индейцы, не торопясь, записали уроки и вышли из класса. Бледнолицые поджидали их уже в коридоре.

– Эй вы! – кричали бледнолицые, – пора воевать, идите в Ущелье, а мы вас отуда вышибем!

Галлапун вышел вперёд и низко поклонился.

– Бледнолицые! – сказал он, – Ущелье Бобра достаточно велико, что бы поместить в себе и нас и вас. Стоит ли драться из за него, когда оно может принадлежать тому, кто первый выскочит из класса. Я предлагаю другое. Пойдёмте все в Ущелье и обсудим мое предложение.

В Ущелье набралось столько народу, сколько могло туда поместиться.

<1928>

65. О том, как Колька Панкин летал в Бразилию, а Петька Ершов ничему не верил

1

Колька Панкин решил прокатиться куда-нибудь подальше.

– Я поеду в Бразилию, – сказал он Петьке Ершову.

– А где эта Бразилия находится? – спросил Петька.

– Бразилия находится в Южной Америке, – сказал Колька, – там очень жарко, там водятся обезьяны и попугаи, растут пальмы, летают колибри, ходят хищные звери и живут дикие племена.

– Индейцы? – спросил Петька.

– Вроде индейцев, – сказал Колька.

– А как туда попасть? – спросил Петька.

– На аэроплане или на пароходе, – сказал Колька.

– А ты на чем поедешь? – спросил Петька.

– Я полечу на аэроплане, – сказал Колька.

– А где ты его возьмешь? – спросил Петька.

– Пойду на аэродром, попрошу, мне и дадут, – сказал Колька.

– А кто же это тебе даст? – спросил Петька.

– А у меня там все знакомые, – сказал Колька.

– Какие же это у тебя там знакомые? – спросил Петька.

– Разные, – сказал Колька.

- Нет у тебя там никаких знакомых, – сказал Петька.
- Нет, есть! – сказал Колька.
- Нет, нет! – сказал Петька.
- Нет, есть!
- Нет, нет!
- Нет, есть!
- Нет! Нет!

Колька Панкин и Петька Ершов решили пойти на следующее утро на аэродром.

2

Колька Панкин и Петька Ершов на следующий день рано утром вышли из дому. Идти на аэродром было далеко, но так как погода была хорошая и денег на трамвай не было, то Колька и Петька пошли пешком.

- Обязательно поеду в Бразилию, – сказал Колька.
- А письма писать мне будешь? – спросил Петька.
- Буду, – сказал Колька, – а как обратно приеду, привезу тебе обезьяну.
- А птицу привезешь? – спросил Петька.
- И птицу привезу, – сказал Колька, – какую хочешь колибри или попугая?
- А какая лучше? – спросил Петька.
- Попугай лучше, он может разговаривать, – сказал Колька.
- А петь может? – спросил Петька.
- И петь может, – сказал Колька.
- По нотам? – спросил Петька.
- По нотам не может. А вот ты что-нибудь споешь, а попугай повторит, – сказал Колька.
- А ты обязательно привезешь мне попугая? – спросил Петька.
- Обязательно, – сказал Колька.
- А ну, как нет? – сказал Колька.
- Сказал, что привезу, значит привезу, – сказал Колька.
- А не привезешь! – сказал Петька.
- А привезу! – сказал Колька.
- А нет! – сказал Петька.
- А да! – сказал Колька.
- А нет!
- А да!
- А нет!
- А да!
- А нет!

Но тут Колька Панкин и Петька Ершов пришли на аэродром.

3

На аэродроме было очень интересно. Аэропланы друг за другом бежали по земле, а потом – раз, два, три – оказывались уже в воздухе, – сначала низко, а потом выше, а потом еще выше, а потом, покружившись на одном месте, улетали и совсем. На земле стояло еще штук восемь аэропланов, готовых тоже разбежаться и улететь. Колька Панкин выбрал один из них и, указывая Петьке Ершову, сказал:

- В Бразилию я полечу на этом вот аэроплане.

Петька снял кепку и почесал голову. Надел кепку опять и спросил:

- А аэроплан этот тебе дадут?
 - Дадут, – сказал Колька, – у меня там знакомый авиатор.
 - Знакомый? А как его зовут? – спросил Петька.
 - Очень просто – Павел Иванович, – сказал Колька.
 - Павел Иванович? – переспросил Петька.
 - Ну да, – сказал Колька.
 - И ты его попросишь? – спросил Петька.
 - Конечно. Вот пойдем вместе, ты услышишь, – сказал Колька.
 - А если он тебе не даст аэроплана? – спросил Петька.
 - Ну, как не даст! Попрошу, так даст, – сказал Колька.
 - А если ты не попросишь? – спросил Петька.
 - Попрошу, – сказал Колька.
 - А испугаешься! – сказал Петька.
 - Нет, не испугаюсь, – сказал Колька.
 - Слабо! – сказал Петька.
 - Нет, не слабо! – сказал Колька.
 - Слабо! – сказал Петька.
 - Нет, не слабо! – сказал Колька.
 - Слабо!
 - Нет, не слабо!
 - Слабо!
 - Нет, не слабо!
- Колька Панкин и Петька Ершов побежали к авиатору.

4

Авиатор стоял около аэроплана и промывал в бензине, налитом в маленькое корытце, какие-то винтики. Сам он был одет во все кожаное, а рядом на земле лежали кожаные перчатки и кожаный шлем.

Колька Панкин и Петька Ершов подошли.

Авиатор достал из бензина винтики, положил их на краешек аэроплана, а в бензин положил новые винтики и стал их мыть.

Колька посмотрел-посмотрел и сказал:

– Здравствуйте, Павел Иванович!

Авиатор посмотрел сначала на Кольку, потом на Петьку, а потом опять отвернулся. Колька же постоял-постоял и снова сказал:

– Здравствуйте, Павел Иванович.

Авиатор посмотрел тогда сначала на Петьку, потом на Кольку, а потом сказал, почесывая одной ногой другую ногу:

– Меня зовут не Павел Иванович, а Константин Константинович, и никакого Павла Ивановича я не знаю.

Петька прыснул в кулак, Колька ударил Петьку, Петька сделал серьезное лицо, а Колька сказал авиатору:

– Константин Константинович, мы с Петькой Ершовым решили лететь в Бразилию, не одолжите ли вы нам ваш аэроплан?

Авиатор начал хохотать:

– Ха-ха-ха ха-ха-ха! Это вы что же – серьезно решили лететь в Бразилию?

– Да, – сказал Колька.

– А вы полетите с нами? – спросил Петька.

– А вы что же думали, – закричал авиатор, – что я вам так машину дам? Нет, шалишь. Вот если вы мне заплатите, то в Бразилию свезти я вас могу. Что вы мне за это дадите?

Колька пошарил в карманах, но ничего не нашел.

– Денег у нас нет, – сказал он авиатору, – может быть, вы нас так свезете?

– Нет, так не повезу, – сказал авиатор и отвернулся что-то чинить в аэроплане.

Вдруг Колька взмахнул руками и закричал:

– Константин Константинович! Хотите перочинный ножик?

Очень хороший, в нем три ножа. Два, правда, сломанные, но один зато целый и очень острый. Я раз как-то ударил им в дверь и прямо насквозь прошиб.

– Когда же это было? – спросил Петька.

– А тебе что за дело? Зимой было! – рассердился Колька.

– А какую же это дверь ты прошиб насквозь? – спросил Петька.

– Ту, которая от чулана, – сказал Колька.

– А она вся целая, – сказал Петька.

– Значит, поставили новую, – сказал Колька.

– Нет, не ставили, дверь старая, – сказал Петька.

– Нет, новая, – сказал Колька.

– А ты мне ножик отдай, – сказал Петька, – это мой ножик, я тебе дал его только веревку с бельем перерезать, а ты и совсем взял.

– Как же это так – твой ножик? – Мой ножик, – сказал Колька.

– Нет, мой ножик! – сказал Петька.

– Нет, мой! – сказал Колька.

– Нет, мой! – сказал Петька.

– Нет, мой!

– Нет, мой!

– Ну, ладно, шут с вами, – сказал авиатор, – садитесь, ребята, в аэроплан, полетим в Бразилию.

5

Колька Панкин и Петька Ершов летели на аэроплане в Бразилию. Это было здорово интересно. Авиатор сидел на переднем сиденьи, был виден только его шлем. Все было очень хорошо, да мотор шумел очень уж и говорить трудно было. А если выглянуть из аэроплана на землю, то ух, как просторно, – дух захватывает! А на земле все маленькое-маленькое и не тем боком друг к другу повернуто.

– Петь-ка! – кричит Колька, – смотри, какой город ко-ря-вень-кий!

– Что-о-о? – кричит Петька.

– Го-род! – кричит Колька.

– Не слы-шу! – кричит Петька.

– Что-о-о? – кричит Колька.

– Скоро ли Брази-лия? – кричит Петька.

– У какого Васи-ли-я? – кричит Колька.

– Шапка улете-ла-а! – кричит Петька.

– Сколько! – кричит Колька.

– Вчера-а! – кричит Петька.

– Северная Америка! – кричит Колька.

– На-ви-да-ри-ди-и-и! – кричит Петька.

– Что? – кричит Колька.

Вдруг в ушах стало пусто и аэроплан начал опускаться.

6

- Аэроплан попрыгал по кочкам и остановился.
- Приехали, – сказал авиатор.
 - Колька Панкин и Петька Ершов огляделись.
 - Петька, – сказал Колька, – гляди, Бразилия-то какая!
 - А это Бразилия? – спросил Петька.
 - Сам-то, дурак, разве не видишь? – сказал Колька.
 - А что это там за люди бегут? – спросил Петька.
 - Где? А, вижу, – сказал Колька. – Это туземцы, дикари.
 - Видишь, у них белые головы. Это они сделали себе прическу из травы и соломы.
 - Зачем? – спросил Петька.
 - Так уж, – сказал Колька.
 - А смотри, по-моему, это у них такие волосы, – сказал Петька.
 - А я тебе говорю, что это перья, – сказал Колька.
 - Нет, волосы! – сказал Петька.
 - Нет, перья! – сказал Колька.
 - Нет, волосы!
 - Нет, перья!
 - Нет, волосы!
 - Ну, вылезайте из аэроплана, – сказал авиатор, – мне лететь нужно.

7

Колька Панкин и Петька Ершов вылезли из аэроплана и пошли навстречу туземцам. Туземцы оказались небольшого роста, грязные и белобрысые. Увидя Кольку и Петьку, туземцы остановились. Колька шагнул вперед, поднял правую руку и сказал:

- Оах! – сказал он им по-индейски.
 - Туземцы открыли рты и стояли молча.
 - Гапакук! – сказал им Колька по-индейски.
 - Что это ты говоришь? – спросил Петька.
 - Это я говорю с ними по-индейски, – сказал Колька.
 - А откуда ты знаешь индейский язык? – спросил Петька.
 - А у меня была такая книжка, по ней я и выучился, – сказал Колька.
 - Ну ты, ври больше, – сказал Петька.
 - Отстань! – сказал Колька. – Инам кос! – сказал он туземцам по-индейски.
 - Вдруг туземцы засмеялись.
 - Кэрэк эри ялэ, – сказали туземцы.
 - Ара токи, – сказал Колька.
 - Мита? – спросили туземцы.
 - Брось, пойдем дальше, – сказал Петька.
 - Пильгедрау! – крикнул Колька.
 - Пэркиля! – закричали туземцы.
 - Кульмэгуинки! – крикнул Колька.
 - Пэркиля, пэркиля! – кричали туземцы.
 - Бежим! – крикнул Петька, – они драться хотят.
- Но было уже поздно. Туземцы кинулись на Кольку и стали его бить.

- Караул! – кричал Колька.
- Пэркиля! – кричали туземцы.
- «Мм-ууу», – мычала корова.

8

Избив как следует Кольку, туземцы, хватая и бросая в воздух пыль, убежали. Колька стоял встрепанный и сильно измятый.

– Пе-пе-пе-пе-петька, – сказал он дрожащим голосом. – Здорово я тузе-зе-зе-земцев разбил. Одного сю-сю-сю-сюда, а другого ту-ту-ту-туда.

– А не они тебя побили? – спросил Петька.

– Что ты! – сказал Колька. – Я как пошел их хватать: раз-два, раз-два, раз-два!

«Мм-ууу» – раздалось у самого колькиного уха.

– Ай! – вскрикнул Колька и побежал.

– Колька. Ко-олька-а-а! – кричал Петька.

Но Колька бежал без оглядки.

Бежали-бежали,

бежали-бежали,

бежали-бежали, и только добежав до леса, Колька остановился.

– Уф! – сказал он, переводя дух.

Петька так запыхался от бега, что ничего не мог сказать.

– Ну, и бизон! – сказал Колька, отдышавшись.

– А? – спросил Петька.

– Ты видел бизона? – спросил Колька.

– Где? – спросил Петька.

– Да ну, там. Он кинулся на нас, – сказал Колька.

– А это не корова была? – спросил Петька.

– Что ты, какая же это корова. В Бразилии нет коров, – сказал Колька.

– А разве бизоны ходят с колокольчиками на шее? – спросил Петька.

– Ходят, – сказал Колька.

– Откуда же это у них колокольчики? – спросил Петька.

– От индейцев. Индейцы всегда поймают бизона, привяжут к нему колокольчик и выпустят.

– Зачем? – спросил Петька.

– Так уж, – сказал Колька.

– Неправда, бизоны не ходят с колокольчиками, а это была корова, – сказал Петька.

– Нет, бизон! – сказал Колька.

– Нет, корова! – сказал Петька.

– Нет, бизон!

– Нет, корова!

– Нет, бизон!

– А где же попугаи? – спросил Петька.

9

Колька Панкин сразу даже растерялся.

– Какие попугаи? – спросил он Петьку Ершова.

– Да ты же обещал поймать мне попугаев, как приедем в Бразилию. Если это Бразилия, то должны быть и попугаи, – сказал Петька.

- Попугаев не видать, зато вон сидят колибри, – сказал Колька.
 - Это вон там на сосне? – спросил Петька.
 - Это не сосна, а пальма, – обиделся Колька.
 - А на картинках пальмы другие, – сказал Петька.
 - На картинках другие, а в Бразилии такие, – рассердился Колька. – Ты смотри, лучше, колибри какие.
 - Похожи на наших воробьев, – сказал Петька.
 - Похожи, – согласился Колька, – но меньше ростом.
 - Нет, больше! – сказал Петька.
 - Нет, меньше! – сказал Колька.
 - Нет, больше! – сказал Петька.
 - Нет, меньше! – сказал Колька.
 - Нет, больше!
 - Нет, меньше!
 - Нет, больше!
 - Нет, меньше!
- Вдруг за спинами Кольки и Петьки послышался шум.

10

- Колька Панкин и Петька Ершов обернулись.
Прямо на них летело какое-то чудовище.
- Что это? – испугался Колька.
 - Это автомобиль, – сказал Петька.
 - Не может быть! – сказал Колька. – Откуда же в Бразилии автомобиль?
 - Не знаю, – сказал Петька, – но только это автомобиль.
 - Не может быть! – сказал Колька.
 - А я тебе говорю, что автомобиль! – сказал Петька.
 - Нет, не может быть, – сказал Колька.
 - Нет, может!
 - Нет, не может!
 - Ну, теперь видишь, что это автомобиль? – спросил Петька.
 - Вижу, но очень странно, – сказал Колька.
- Тем временем, автомобиль подъехал ближе.
- Эй, вы, ребята, – крикнул человек из автомобиля. – Дорога в Ленинград направо или налево?
 - В какой Ленинград? – спросил Колька.
 - Как в какой! Ну, в город как проехать? – спросил шофер.
 - Мы не знаем, – сказал Петька, а потом вдруг заревел.
 - Дяденька, – заревел он, – свези нас в город.
 - Да вы сами-то что, из города? – спросил шофер.
 - Ну да, – ревел Петька, – с Моховой улицы.
 - А как же вы сюда попали? – удивился шофер.
 - Да вот Колька, – ревел Петька, – обещал в Бразилию свезти, а сам сюда привез.
 - В Брусилово... Брусилово... Пойдите, Брусилово это дальше, это где-то в Черниговской губернии, – сказал шофер.
 - Чилиговская губерния... Чилийская республика... Чили... Это южнее, это там, где и Аргентина. Чили находится на берегу Тихого океана, – сказал Колька.
 - Дяденька, – захныкал опять Петька, – свези нас домой.

– Ладно, ладно, – сказал шофер. – Садитесь, все равно машина пустая. Только Брусилово не тут, Брусилово – это в Черниговской губернии.

И вот Колька Панкин и Петька Ершов поехали домой на автомобиле.

11

Колька Панкин и Петька Ершов ехали сначала молча. Потом Колька посмотрел на Петьку и сказал:

– Петька, – сказал Колька, – ты видел кондора?

– Нет, – сказал Петька. – А что это такое?

– Это птица, – сказал Колька.

– Большая? – спросил Петька.

– Очень большая, – сказал Колька.

– Больше вороны? – спросил Петька.

– Что ты! Это самая большая птица, – сказал Колька.

– А я ее не видал, – сказал Петька.

– А я видел. Она на пальме сидела, – сказал Колька.

– На какой пальме? – спросил Петька.

– На той, на которой и колибри сидела, – сказал Колька.

– Это была не пальма, а сосна, – сказал Петька.

– Нет, пальма! – сказал Колька.

– Нет, сосна! – сказал Петька, – пальмы растут только в Бразилии, а тут не растут.

– Мы и были в Бразилии, – сказал Колька.

– Нет, не были! – сказал Петька.

– Нет, были! – сказал Колька.

– Не-бы-ли, – закричал Петька.

– Были, были, были, бы-ли-и-и! – кричал Колька.

– А вон и Ленинград виднеется, – сказал шофер, указывая рукой на торчащие в небо трубы и крыши.

ВСЁ

Даниил Хармс
1928

66. 17 лошадей

У нас в деревне умер один человек и оставил своим сыновьям такое завещание.

Старшему сыну оставляю $\frac{1}{2}$ своего наследства,

среднему сыну оставляю $\frac{1}{3}$ своего наследства, а

младшему сыну оставляю $\frac{1}{9}$ своего наследства.

Когда этот человек умер, то после его смерти осталось всего только 17 лошадей и больше ничего. Стали сыновья 17 лошадей между собой делить.

«Я, – сказал старший, – беру $\frac{1}{2}$ всех лошадей. Значит $17:2$ это будет $8\frac{1}{2}$ ».

– «Как же ты $8\frac{1}{2}$ лошадей возьмешь? – спросил средний брат. – Не станешь же ты лошадь на куски резать?»

– «Это верно, – согласился с ним старший брат, – только и вам своей части не взять. Ведь 17 ни на 2, ни на 3, ни на 9 не делится!»

– «Так как же быть?»

– «Вот что, – сказал младший брат, – я знаю одного очень умного человека, зовут его Иван Петрович Рассудилов, он-то нам сумеет помочь».

– «Ну что ж, зови его», – согласились два другие брата.

Младший брат ушел куда-то и скоро вернулся с человеком, который ехал на лошади и курил коротенькую трубочку. «Вот, – сказал младший брат, – это и есть Иван Петрович Рассудилов».

Рассказали братья Рассудилову свое горе. Тот выслушал и говорит: «Возьмите вы мою лошадь, тогда у вас будет 18 лошадей и делите спокойно». Стали братья 18 лошадей делить.

Старший взял $1/2$ – 9 лошадей,

средний взял $1/3$ – 6 лошадей,

а младший взял $1/9$ – 2 лошади.

Сложили братья своих лошадей вместе. $9+6+2$, получилось 17 лошадей. А Иван Петрович сел на свою 18-ю лошадь и закурил свою трубочку.

«Ну что, довольны?» – спросил он удивленных братьев и уехал.

Д. Хармс

1928

67. Во-первых и во-вторых

ВО-ПЕРВЫХ, запел я песенку и пошел.

ВО-ВТОРЫХ, подходит ко мне Петька и говорит: «Я с тобой пойду». – И оба мы пошли, напевая песенки.

В-ТРЕТЬИХ, идем и смотрим, стоит на дороге человек ростом с ведро.

«Ты кто такой?» – спросили мы его. «Я – самый маленький человек в мире». – «Пойдем с нами». – «Пойдем».

Пошли мы дальше, но маленький человек не может за нами угнаться. Бегом бежит, а все-таки отстает. Тогда мы его взяли за руки. Петька за правую, я за левую. Маленький человек повис у нас на руках, едва ногами земли касается. Пошли мы так дальше. Идем все трое и песенки насвистываем.

В-ЧЕТВЕРТЫХ, идем мы и смотрим, лежит возле дороги человек, голову на пенек положил, а сам такой длины, что не видать, где ноги кончаются. Подошли мы к нему поближе, а он как вскочит на ноги, да как стукнет кулаком по пеньку, так пенек в землю и ушел. А длинный человек посмотрел вокруг, увидел нас и говорит: «Вы, – говорит, – кто такие, что мой сон потревожили?» – «Мы, – говорим мы, – веселые ребята. Хочешь с нами пойдем?» – «Хорошо», – говорит длинный человек, да как шагнет сразу метров на двадцать. «Эй, – кричит ему маленький человек, – обожди нас немного!» Схватили мы маленького человека и побежали к длинному. – «Нет, – говорим мы, – так нельзя, ты маленькими шагами ходи».

Пошел длинный человек маленькими шагами, да что толку? Десять шагов сделает и из вида пропадает. – «Тогда, говорим мы, пусть маленький человек тебе на плечо сядет, а нас ты подмышки возьми». Посадил длинный человек маленького себе на плечо, а нас подмышки взял и пошел.

– «Тебе удобно?» – говорю я Петьке. – «Удобно. А тебе?» – «Мне тоже удобно», – говорю я. И засвистели мы веселые песенки. И длинный человек идет и песенки насвистывает, и маленький человек у него на плече сидит и тоже свистит – заливается.

В-ПЯТЫХ, идем мы и смотрим – стоит поперек нашего пути осел. Обрадовались мы и решили на осле ехать. Первым попробовал длинный человек. Перекинул он ногу через осла, а осел ему ниже колена приходится. Только хотел длинный человек на осла сесть, а осел взял да и пошел, и длинный человек со всего размаху на землю сел. Попробовали мы маленького человека на осла посадить. Но только осел несколько шагов сделал – маленький человек не удержался и свалился на землю. Потом встал и говорит: «Пусть длинный человек меня опять на плече понесет, а ты с Петькой на осле поезжай». Сели мы, как маленький человек сказал, и поехали. И всем хорошо. И все мы песни насвистываем.

В-ШЕСТЫХ, приехали мы к большому озеру. Глядим, у берега лодка стоит. – «Что ж, поедем на лодке?» – говорит Петька. Я с Петькой хорошо в лодке уселись, а вот длинного человека с трудом усадили. Согнулся он весь, сжался, колени к самому подбородку поднял.

Маленький человек где-то под скамейкой сел, а вот ослу места-то и не осталось. Если бы еще длинного человека в лодку не сажать, тогда можно было бы и осла посадить. А вдвоем не помещаются. – «Вот что, – говорит маленький человек, – ты, длинный, вброд иди, а мы осла в лодку посадим и поедем». Посадили мы осла в лодку, а длинный человек вброд пошел, да еще нашу лодку на веревочке потащил. Осел сидит, пошевеливнуться боится, верно, первый раз в лодку попал. А остальным хорошо. Едем мы по озеру, песни свистим. Длинный человек тащит нашу лодку и тоже песни поет.

В-СЕДЬМЫХ, вышли мы на другой берег, смотрим стоит автомобиль. – «Что же это такое может быть?» – говорит длинный человек. – «Что это?» – говорит маленький человек. – «Это, – говорю я, – автомобиль». «Это машина, на которой мы сейчас и поедем», – говорит Петька. Стали мы в автомобиле рассаживаться. Я и Петька у руля сели, маленького человека спереди на фонарь посадили, а вот длинного человека, осла и лодку никак в автомобиле не разместить. Положили мы лодку в автомобиль, в лодку осла поставили, все бы хорошо, да длинному человеку места нет. Посадили мы его в лодку – ослу места нет. Посадили мы в автомобиль осла и длинного человека – лодку некуда поставить.

Мы совсем растерялись, не знали, что и делать, да маленький человек совет подал: «Пусть, – говорит, – длинный человек в автомобиль сядет, а осла к себе на колени положит, а лодку руками над головой поднимет».

Посадили мы длинного человека в автомобиль, на колени к нему осла положили, а в руки дали лодку держать. – «Не тяжело?» – спросил его маленький человек. – «Нет, ничего», – говорит длинный. Я пустил мотор в ход, и мы поехали.

Все хорошо, только маленькому человеку впереди на фонаре сидеть неудобно, кувыркает его от тряски, как ваньку-встаньку. А остальным ничего. Едем мы и песни насвистываем.

В-ВОСЬМЫХ, приехали мы в какой-то город. Поехали по улицам. На нас народ смотрит, пальцами показывает: – «Это что, – говорит, – в автомобиле дубина какая стоит, себе на колени осла посадил и лодку руками над головой держит. Ха! ха! ха! А впереди-то какой на фонаре сидит. Ростом с ведерко! Вон его как от тряски-то кувыркает. Ха! ха! ха!»

А мы подъехали прямо к гостинице, лодку на землю положили, автомобиль поставили под навес, осла к дереву подвязали и зовем хозяина. Вышел к нам хозяин и говорит: «Что вам угодно?» – «Да вот, – говорим мы ему, – переночевать нельзя ли у вас?» – «Можно», – говорит хозяин и повел нас в комнату с четырьмя кроватями. Я и Петька легли, а вот длинному человеку и маленькому никак не лечь. Длинному все кровати короткие, а маленькому не на что голову положить. Подушка выше его самого и он мог только стоя к подушке прислониться. Но так как мы все очень устали, то легли кое-как и заснули. Длинный человек просто на полу лег, а маленький на подушку весь залез, да так и заснул.

В-ДЕВЯТЫХ, проснулись мы утром и решили дальше путь продолжать. Тут вдруг маленький человек и говорит: «Знаете что? Довольно нам с этой лодкой да автомобилем таскаться. Пойдемте лучше пешком». – «Пешком я не пойду, – сказал длинный человек, – пешком скоро устанешь». – «Это ты-то, такая детина, устанешь?» – засмеялся маленький человек. – «Конечно, устану, – сказал длинный, – вот бы мне какую-нибудь лошадь по себе найти». – «Какая же тебе лошадь годится? – вмешался Петька. – Тебе не лошадь, а слона нужно». – «Ну, здесь слона-то не достанешь, – сказал я, – здесь не Африка». Только это я сказал, вдруг слышны на улице лай, шум и крики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.